

Деревцоцвет

Литературно-художественный альманах для юношества

№1(5)
2000

ПЕРВОЦВЕТ

№ 1 (5)

Литературно-художественный альманах для юношества

Учредитель

Областная юношеская библиотека им. И.П.Уткина

Альманах зарегистрирован в Восточно-Сибирском региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати, регистрационный номер И-0391 от 28 июля 1998 г. Выпуск альманаха осуществляется благодаря финансовой поддержке Комитета по культуре администрации Иркутской области

И.о. главного редактора

С.В.Зубакова

Редколлегия

Л.М.Середкина

Е.А.Суворов

А.С.Попов

А.К.Лаптев

Л.В.Иоффе

С.Н.Элоян

Обложка

Сергея Элояна

Рисунки в тексте

Елены Чернышовой

Марии Буриной

Ирины Андрусенко

Технический редактор

Н.Н.Галкина

Адрес редакции

664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10

тел. 27-07-93

**Иркутск
2000**

Содержание

Александр Лаптев. Начало... (обзор публикаций прошедшего года).....	4
Рифмы Первоцвета	
Анна Иоффе.....	7
Николай Вяткин.....	12
Иван Григоров.....	14
Дарья Базюк.....	16
Александра Шатонова.....	17
Мария Бурина.....	18
Миниатюры Первоцвета	
Александра Шатонова.....	21
Надежда Алексеева.....	22
Диана Шалтумаева.....	24
Картинная галерея Первоцвета	
О.К.Федорова. Новое имя в иркутской графике.....	28
Литературные объединения Первоцвета	
Поэтический клуб «Истоки» ИРГТУ	
Евгения Ковалева.....	30
Екатерина Столярова.....	30
Константин Кревсун.....	31
Светлана Сокольниковна.....	32
Евгений Сысоев.....	32
Алексей Днепровский.....	33
Александра Неронова.....	34
Рада Черноусова.....	36
Дмитрий Марков.....	36
Наталья Кондрашова.....	36
Павел Безденежных.....	37
Проза Первоцвета	
Татьяна Андрейко. Очи черные, очи красные. <i>Рассказ</i>	38
Анастасия Чернышева. В ночь, когда дул ветер. <i>Рассказ</i>	46
Ирина Множинская. Какою мерой счастье мерить. <i>Повесть</i>	54
Фантастический мир Первоцвета	
Эдвард Ширяев. Падение в свет. <i>Фантастический рассказ</i>	68
Игорь Подколодный, Сергей Стрельченко. Что значит Эргон? <i>Фантастический рассказ</i>	70
Философия Первоцвета	
Михаил Филин. О способе существования и о «борьбе» двух потенциальных сил мироздания.....	72
«Первоцвет» глазами читателей	
Тамара Козаева. Мир детства. <i>Отзыв на стихи альманаха «Первоцвет»</i>	75

НАЧАЛО...

ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ ПРОШЕДШЕГО ГОДА

Всего лишь год назад никто и не слышивал об альманахе «Первоцвет». Самого названия не существовало. Организаторы журнала не ведали, что это будет такое, найдутся ли средства на издание, появятся ли авторы, заслуживающие быть представленными широкой публике. Теперь можно с уверенностью сказать: нашлись и средства, и авторы. Доказательством тому — четыре номера альманаха, прекрасно оформленные и содержащие массу талантливого, свежего и неординарного. Вопрос о том, нужен ли в Иркутске юношеский альманах, отпал сам собой. Примечательно, что издает альманах не издательство, и не один из многочисленных творческих союзов города, а библиотека. Работа, по сути, ведется на общественных началах. Но каков результат!.. В четырех выпусках опубликованы работы более сотни авторов! Это лауреаты творческих конференций, начинающие поэты и маститые писатели, студенты и школьники. На последних вся надежда.

Сегодня многие пребывают в растерянности. Что происходит? Каковы истинные идеалы и ценности? О чем писать и к чему стремиться? Ставится под сомнение все, даже такие категории, как гуманность и человеколюбие, подвергаются ревизии понятия свободы, нравственности, справедливости. Что вчера было хорошо, нынче плохо. Что порицалось — превозносится. И это не может не отражаться в литературе, потому что литература — неотъемлемая часть нашей жизни. Поэтому я повторяю: вся надежда на молодых. Может быть, им посчастливилось понять то, что не поняли старшие поколения и ответить на вопросы, требующие ответа. Поэтому редколлегия очень бережно работала с начинающими авторами. Принималось практически все, редакторская правка

сводилась к минимуму. В этом смысле «Первоцвет» предельно демократичный журнал, в котором свобода самовыражения достигает предельного состояния.

В мою задачу не входит детальный разбор произведений, это и невозможно при таком количестве авторов. Но возможно сделать хотя бы беглый обзор с краткими комментариями. Начну по порядку. В первом номере, безусловно, хороши стихи. Владимир Невидимов, Виталий Науменко, Владимир Ружников, Алина Боровская украсили выпуск. Но и про остальных нельзя сказать ничего плохого. Хорошую заявку сделал юный Павел Колесников, заставила проникнуться состраданьем Ольга Яковлева. Запомнились и Елена Миненкова, и Сергей Филипенко, и Аполлон Натальин, и Татьяна Евлампиева, и Наталья Швец.

Из прозы можно выделить рассказ Владимира Мешкова. Этому автору свойственно внимание к бытовым проблемам. Его герои сходятся в обыденной обстановке. Крупным планом показаны мельчайшие причины, производящие большие следствия. Тут просматривается нечто чеховское даже. Жаль, что Владимир нечасто балует нас своими рассказами. При серьезной работе он мог бы за год-два подготовить к изданию книгу, и книга эта, без сомнения, стала бы явлением в Иркутске.

Хорош Павел Фереферов. Этому автору не занимать фантазии, понимает он и законы жанра, в котором работает. Хотя чувствуется налет ученичества, но это не страшно. Нельзя же требовать от семнадцатилетнего юноши классической формы!

Неизменным зрительским успехом пользуется шуточная инсценировка учительницы Светланы Леговой — «Верим, что сны сбываются». Хочется по-

желать Светлане и ее ученикам творческого дерзания. Очень немногие решаются писать пьесы. Тут нужен особый талант. Тем более ценна каждая удачная попытка.

О фантастической повести Алексея Алешина «И тогда я сказал: «Согласен!» умолчу, поскольку автор ее мой хороший знакомый. Надеюсь, она не испортила номер.

Оставили неплохое впечатление работы, представленные на конкурс «Юный журналист». Запомнился репортаж о поездке на Байкал учеников восьмого класса школы № 7 Иркутска. Впечатление такое, будто сам побывал на берегах озера, плыл на катере и распевал песни, сидел вечером у костра, слушал стихи. Нелишне отметить, что мало было заявлено материалов о Байкале, о природе – вообще материалов, имеющих документальную основу. В этом смысле обратила на себя внимание работа «За гранью» учениц школы № 27 Созиновой и Загребневой. Рассказана страшная история наркоманки, кончающей жизнь самоубийством. Наркомания захлестывает российские города. Надо ли говорить об этом? Конечно, надо. Равно как надо говорить обо всех явлениях жизни: светлых и темных. Первые подают нам светлый пример, вторые напоминают об опасности, которую необходимо избежать.

Второй номер альманаха не менее интересен. Выделяется повесть «Гурт» Алексея Акишина. Произведение это сделает честь любому литературному журналу. Повесть написана о молодых и для молодых. Не грех поучиться у автора сжатости речи, точности языка, наглядности образов, умению до конца держать интригу. То же самое можно сказать о рассказе Евгения Суворова «Уехала». Автора нет нужды представлять. Это великолепный стилист, это писатель, много сделавший для поддержания начинающих авторов (в том числе и автора этих строк).

В рубрике «Пьедестал «Первоцвета» опубликованы рассказы лауреатов конференции «Молодость. Творчество. Современность» – Александра Турханова, Анны Гусельниковой, Жанны Райгородской. Имена достаточно известные в литературных кругах, творчество их заслуживает самого пристального внимания. Об этих авторах мы еще услышим. Турханов работает в реалистической манере, его отличает высокая культура слова и стремление найти за внешними завесами зерно истины. Анна Гусельникова в лучших своих рассказах лирична и проникновенна. Жанна Райгородская склоняется к фантастике – жанру очень сложному, но чрезвычайно интересному. Есть подозрение, что через некоторое время она удивит нас увлекательными и нестандартными произведениями.

Опубликовано две сказки – Валентины Астапенко и Александра Емельянова. Сказки – чрезвычайно трудный жанр. Выдумать что-то новое очень трудно. Валентине и Александру удается быть оригинальными и интересными. Будем ждать продолжения.

Другой участник конференции – Александр Оськин – представил юмореску. Писать смешно способны немногие. Чувство юмора или есть, или его нет. У Александра, скорее, есть, чем нет. Рассказ «Перспектива» подтверждает это.

Про авторов стихов не буду много говорить. Представленные стихи в целом слабее, чем в первом номере. Но Екатерина Ишимцева нигде не затеряется, даже и в Москве, где она теперь учится на курсах ВТУ им. М.И. Щепкина.

В третьем и четвертом номере также много интересного и талантливого. Можно отметить прозаиков: Винокурова, Шавелкина, Толстихину, Сафронову, Фурманову. Особняком стоит отрывок из романа Александра Попова «Дом», а также педагогические размышления Григория Рейнгольда. Интересно заявил о себе детский клуб «Братские роднич-

ки», которым вот уже 5 лет руководит поэт из Братска Владимир Корнилов.

Очень интересным мне показался фантастический рассказ Геннадия Уварова. По стилистике, изобретательности и закрученности сюжета рассказ напоминает произведения Силверберга и Саймака. Подобные удачи редки даже в «серьезных» журналах.

Хороши «улыбки» Первоцвета – Дымова, Лаптевой, Коршунова. Интересную философскую работу представил Дмитрий Клопотовский. А Юлия Вокина и Иван Герасимов не побоялись и представили собственноручные переводы стихов Гёте и Блейка! Школьники города Усть-Илимска доказали своими сочинениями, что они умеют мечтать, мечты их красивы и светлы.

Нельзя умолчать о художниках, с которыми познакомил нас «Первоцвет». Это, в первую очередь, Сергей Элоян, сделавший оформление альманаха и представивший в первом номере свои очень интересные работы; также Сергей Моисеенко и Наталья Сысоева. Работы их очень необычны, красочны. Подолгу глядишь на них и удивляешься умению человека создавать такую красоту. Мно-

го хорошего можно сказать и о Дмитрие Ружникове. У этого автора не только поэтический талант, но и художественный. Его иллюстрации доказывают это.

Богато представлено в номерах поэтическое творчество. Тут я не буду никого выделять. Ведь дело, в конце концов, не в оценках, не в соревновательности, не в установлении градации: кто лучше, а кто хуже. В нашем альманахе все победители! Все, кто написал хоть пару строк. И не так уж важно, насколько хорошо это получилось. Главное, что человек попробовал. Это значит, он сделал шаг к гармонии, попытался понять – кто он и что он в этом мире и что есть мир, его окружающий. За такими людьми – будущее. Именно они будут формировать литературу двадцать первого века, как и всё искусство, науку и так называемую общественную жизнь. Контуры будущей жизни неясны, лик ее скрыт от нас. Но все мы: авторы и редакторы, критики и издатели – работаем ради того, чтобы эта жизнь была светлой и радостной, чтобы поменьше было злобы и разочарований. Хочется пожелать всем нам успеха на этом трудном, но таком благородном пути.

Александр Лаптев
23 марта 2000 года

РИФМЫ ПЕРВОЦВЕТА

Анна Иоффе

Весенний снег

Подруге

Весенний снег – непрочный снег,
А ты бросаешься в разбег,
В его прощальную подталость,
В его ребяческую шалость;

И пьешь, раскрыв свое окно,
Сосулеч сладкое вино,
И снова мчишься наугад
В хмельной, тенистый, грешный сад,

Где ночь длинна, где сон не в сон,
Где зла любовь и слеп закон,
Где боль напрасна и сильна,
Где мудрость древняя смешна.

Весенний снег – коварный снег,
А ты, наивный человек,

За призраком текучих вод
Кидаешься в водоворот.

И надо б мне тебя вернуть...
Твой грешен путь, твой горек путь.
Так что ж я медлю, глядя вслед,
Не берегу тебя от бед?

Пусть надывается молва,
Пусть злые катятся слова
Тебе, мелькающей, вослед...
Нам дела нет, наш ярост свет.

Весенний снег – недолгий снег,
Но счастье он твое навек.
Растает льдинка на щеке,
Роса останется в руке.

* * *

В.

Попытка приближения к тебе.
Короткая история ошибки.
Пускай трубач играет на трубе,
А скрипачу верните звуки скрипки.

Попытка спрятать в сумочке туман.
Желание без дум и сожаленья
Отдать всю мудрость мира за обман
Секундного к тебе прикосновенья.

Попытка сделать «нечто» из «ничто».
Попытка смены знанья на дыханье.

Попытка оказаться за чертой
Земного моего существования.

Не удалась попытка. Ничего.
Пускай судья к составу преступления,
К параграфам паденья моего
Добавит бледный плод – стихотворенье.

Сидящему меж зрителей тебе –
Последняя и странная улыбка.
Пускай трубач играет на трубе,
А скрипачу верните звуки скрипки.

* * *

Он легко отворил мою дверь.
Он прошел сквозь замки и запреты,
Сквозь туман моих бед и потерь,
Сквозь чащобу ненужных обетов.

Он любовно ладонью провел
По моей запыленной неволе,
Стрелки ходиков спящих подвел,
Позабывших о собственной роли.

Принял в теплые руки свои
Мою напрочь продрогшую душу
И счастливые слезы мои,
Словно дивную музыку, слушал.

Он меня ни о чем не просил,
Он баюкал меня, как ребенка,
И тихонько губами водил
По руке моей, слабой и тонкой.

Он учил меня, глупую, жить,
Вынимая осколки былого
Из моей заплутавшей души,
Мир даря мне свободный и новый.

Он поднес к моим ждущим губам
Хмель весенний в хрустальном бокале

И вливал в меня сладкий бальзам
Очищенья от лжи и печали.

И была наша ночь. Был рассвет.
Пели птицы по-новому нежно.
И струился ласкающий свет
Из его серых глаз безмятежных.

...А потом он ушел. В тишине
Я смотрела в открытые двери,
Где плескался подаренный мне
Новый мир без тоски и неверья.

Можно было рвануться туда,
Но осталось недвижимым тело.
Та свобода была – что беда,
От которой кричать захотелось.

И, отпрянув от светлой двери,
Я сказала, дрожа, как от боли:
Коль ушел – возвратись и запри
Свою пленницу в прежней неволе.

Все возьми – и поля, и прибой,
Принесенные щедрой рукою,
Лишь отдай запыленный, пустой
Мир, где не было счастья с тобою.

НЕ...

Не появись ко мне – в пустынном доме
Слабеет разум от причуд души.
Не тронь его, ослепшего в истоме,
Душе моей на помощь не спеши.

Не прикоснись ко мне –
Как нищий – хлеба,
Я жду прикосновенья твоего.
Не заслоняй собой прохлады неба,
Не воцаряй над небом торжество.

Не оглянись – твой взгляд, пройдя пределы,
Развяжет руки, ждущие любви,
И, зная, как на зов рванется тело, –
Всевышним заклинаю – не зови.

Не отнимай меня у отрицанья
Всего, что именуется тобой.
Не подари свече моей мерцанье,
Не растопи фигурки восковой.

Не разомкни мне губ моих горячих
И не услышь их шепота во сне
О том, как все могло бы быть иначе,
Когда б не эти крохотные «не...».

Не заставляй в беспмятстве весеннем
Воспламенять неистовство огня
И вымолвить, отрезав путь к спасенью:
«Не уходи. Не отпускай меня...».

* * *

В.

Милый граф, эта осень пока не для Вас,
Оставайтесь в оранжевом лете.
Не проехать средь вязких желтеющих масс
Вашей легкой, изящной карете.
Этот шарфик из шелка, увы, не спасет
Вашей солнцем изнеженной кожи,
Да и ветер в течение крови принесет
Элемент преждевременной дрожи.

Милый граф, эта осень чрезмерно мудра,
А у Вас золотистые пряди.
Ну, зачем Вам без сна дожидаться утра
Над залитой стихами тетрадью?
Здесь, сгорая, тускнеет пространство мое,
Здесь поблекнет алмаз на манжете,
И лихого клинка не сверкнет острие,
И поникнет перо на берете.

Милый граф, здесь в почете сердечная боль
И в отчаянье сжатые руки.
Не меняйте улыбки на едкую соль
Неизбежной осенней разлуки.
Не позволяйте мне Вас в эту осень впустить,
Где рискованно, остро и нежно
Я Вас буду смертельной любовью любить,
И, боюсь, Вы ответите тем же.

Зимнее

В.

И синий, и желтый, и красный цвета отцветают.
Зеленый, оранжевый, розовый – все исчезают.
Лишь белые хлопья кружат, мельтешат, ослепляют,
Дразня и играя, на вдохе меня обрывают.

Сквозь белое это смотрю – и рисую виденья.
Да есть ли за этой метелью второе рожденье,
Второе мученье, второе тобой облученье,
Такое, чтоб снова – в теченье, крученье, верченье?..

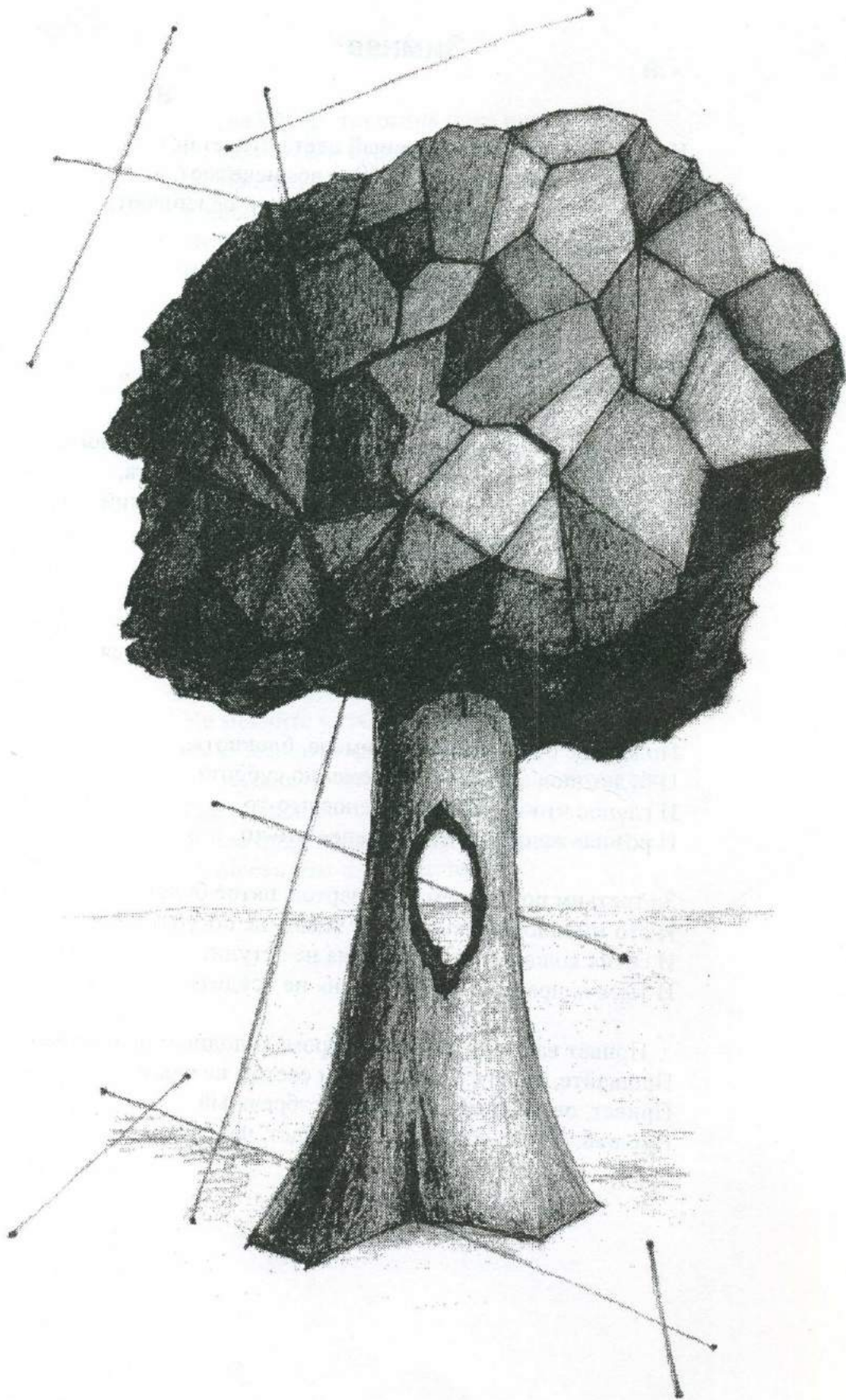
Семьсот сорок девять рентген! Чтобы жить – это много,
Для смерти – не хватит, а впору – уснуть у порога,
У двери с замком, за которым – красивый и строгий –
Ты будешь в блокнот заносить имена и итоги,

И будет блокнот заполняться, стареть, сменяться,
И все будет блекнуть и светом опять наполняться,
И в тысячном сне мне, быть может, глаза приснятся,
В которых ромашки теплые проявятся,

Подальше отправят замки, имена, блокноты,
И будет июль, а еще – непременно суббота,
И глупое что-то, и сине-зеленое что-то,
И розово-желтое, очень нелепое что-то...

За третьим рождением – четвертое, пятое будет.
И сто миллионов рентген эту жизнь не погубят.
И сотня колючих метелей меня не остудит.
И тысяча праведных судей меня не осудит...

...Привет вам, виденья под ветром, холодным и снежным.
Прощайте, глаза с ромашковым светом нежным.
Привет, океан зимы, ледяной, безбрежный.
Прощай, что не получилось. Привет, надежда.

Тополь

Однажды ребенком, очнувшись от сна,
Стоял и смотрел я на тополь могучий.
И ветер касался ночного окна,
И звезды метались, как искорки, в сучьях
Высокого тополя – в черном костре
Как будто бы. Сердце мое обнимало
И мертвый поселок, и лес на горе,
И шпиль с красным флагом на крыше вокзала.
Шел поезд, гремя на железном пути,
Тревожно звенела в серванте посуда,
И не было сил от окна отойти,
Все ждал, замерев, я какого-то чуда,
Какой-нибудь невидали на земле.
Дул ветер. Дворы оживали. Светало.
И тополь ночной угасал. А во мне,
Прекрасная память о нем запылала.

В моих глазах

Загляни мне в глаза, если хочешь
Видеть грусть потаенную там.
Стали пасмурней дни и короче,
Иней вспыхивает по утрам.

Знаешь, осень там, юная осень,
С легким звяканьем ржавых оков,
Зелень мха огибая и сосен,
В плен грядущих уходит снегов.

Там озёрные лебеди-птицы
Потянулись в чужие края.
И бессонных ночей вереницу
Озарила утрата моя.

Там к поэзии нежность святая –
Чтоб она в лед не вмерзла зимой,
Пламя, с древа любви облетая.
Будет вечно плясать над землёй.

О поэзия, нежность святая!

* * *

Под месяцем в ночи черны деревьев тени.
Один. Один стою на улице ночной.
Меня обходит жизнь – в моей душе смятенье –
Лишь в сторону шагни, и вот уж мир иной.

Вернись, вернись любовь – глянь, что со мною стало –
Листвой октябрьской я до уголька сожжен!
В бездонной тишине ворона прокричала,
И с голых тополей – ответный грай ворон.

Дома, что корабли, плывут, качаясь, мимо.
Шатаются ветра в их звездных парусах...
О, времени река, как ты неумолима,
Как неизбежно ты мелеешь на глазах!

Вернись, вернись любовь! Мне жутко одиноко,
Хоть голосом дурным с воронами кричи.
Как будто здесь моя окончена дорога –
Ложись и умирай под месяцем в ночи.

* * *

Она все знала наперед
От живописи до лекарства.
Прощала бред и смех в висок,
Беспутство и замашки барства
Мне, дерзкому тогда юнцу...
Мы были с ней неразлучимы.
Но все к законному концу
Приходит следствием причины
(какие-то ее друзья,
Моя тоска, размолвка наша)
Все то, о чем сказать нельзя,

Все, сгнившее листвою опавшей,
Все, что в октябрьской вышине
Отпольшало, отзвенело,
И замерло золой на дне,
Великой бездны суть во мне,
Все, что зимой накрылось белой,
Уже не стоит ворошить...
Эгей! Гони, ямщик, да с песней!
Еще нам долго-долго жить,
И с каждым веком жизнь чудесней!

Yin – yen

Белый кит и черный
Терзают за хвост друг друга,
Белый кит и черный
Тщатся выйти из круга.

Ярость в глазах их навечно,
В черном глазе и в белом,
Связана в месте предвечном
Неким странником смелым.

Инь, что полна forever
Ян, что пустой бездонно,
Вместе они, together
Вечно не разделенны.

Хаос творят они вместе,
Каждый из них – порядок,
В жизни они на месте
И разделять их не надо.

Инь говорит: «Твой путь – белый»,
Ян же: «Тропою черной
Ты поспеши, коли смелый».
Хаоса цвет – серый
Я выбираю гордо.

Liric

Пойми, что я странник. И странен я этим,
Дороги другой не ищу я на свете.
Иду я вперед, направляюсь я вдаль,
Во взоре моем вековая печаль.

А может, и нет, не пойму я и сам,
Наверное, все же увидишь ты там
(Когда искупаешься в этой печали)
Дороги, дороги, пустынные дали,

И пыли разводы, и капли дождя,
Мерцание звезд, и то, как, следя
Обувкой своею на пыльном пути,
Странник такой же идет впереди.

А может, другое видишь ты там,
Как с радостью некто идет по снегам,
Иль серою мукою лезет по скалам,
Иль дует на кружку, дышащую паром.

Как, пыль подметая серым плащом,
(Ту пыль никогда не омоет дождем)

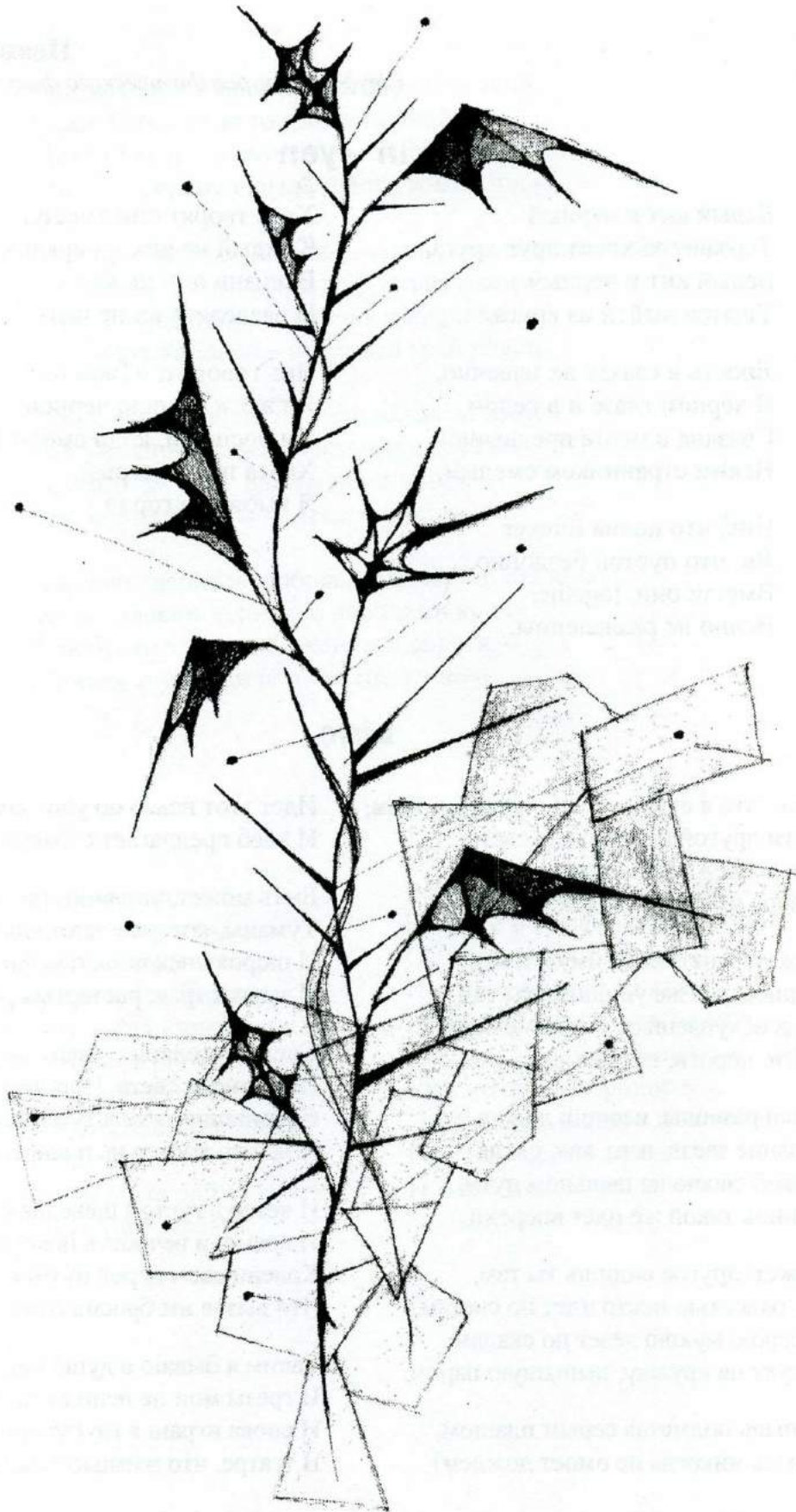
Идет этот некто по улочкам темным
И хлеб предлагает собакам бездомным.

Быть может, увидишь там шелест листвы,
Туманы, которые тают вдали,
И шорох снежинок под башмаками,
И запахи трав, растертых руками.

Следы, уходящие вверх по дороге
Из лунного света. И вязнут там ноги,
Ступившие тихо в туман пыли звездной,
И чей-то костер на планете бесхозной.

И ветер в густой шевелюре играет,
И время, и вечность покорно склоняют
Колени свои перед путником мудрым,
Что вызов им бросил совсем безрассудно.

Таким я бываю в душе иногда,
И грезы мои не испил я до дна,
И снова играю я глупую роль
В театре, что жизнью зовется порой.

Дарья Базюк

Учащаяся 11 класса школы № 30 г. Иркутска

* * *
Обида навзрыд.
За нежность
И ласку тебя ненавижу.
Но скомканная неизбежность –
Слова.
В них огня не вижу.
Я всем запрещаю верить,
Что голос любви
Бессмертен.

Смолкают стальные двери,
И тонут речные сети.
И скорбно промолвят травы,
Что будут слезами
Скошены.
Пусть нежность твоя –
Отрава.
Не быть мне тобою
Брошенной.

* * *
Колонны снега.
Утренняя грусть.
Вы ждали меня в декабре.
Вокзал под серой пленкой.
Тихо – пусть...
Победа в несладкой игре.

Мы выживем снова,
Не будет ни страшно,
Ни пусто – никак.
В неведомом мире,
Где тяжести башня,
Мой преданный... враг.

Отчаянный оклик.
И черных волос
Непрошенный дым.
Я видела полосы:
Наши дороги,
Почти у порога беды.

У ног моих плачет
И боль мою просит
На сильной горе.
Отрекшись от пламени,
Воли и осени,
Вы – в декабре...

* * *
Черный взгляд – твоя власть,
Мое торжество.
Эта страсть –
Лунный пепел для... никого.
Нет марта, нет ужина.
Грусть расстелена.

Как горька ненужная
Музыка. Велено
Нам покинуть небо,
Разлучаясь ночью...
Тихо спит в кровати
Маленькая дочка.

* * *
Водопад собрался в облака.
Радуга сломалась на отрезки.
А в ладонях уместилась фреска,
Треснувшая шепотом песка.

Не бумага – просто пустота.
Не просохли водяные краски.
Я хочу пить сок с тобой в Небраске
И ласкать за ушками кота.

А.Д. в Линкольн

* * *

Маме

Натянулся свободный вечер
Над домами, уже весенними.
Согревает уютом печка
И вздыхают часы настенные.
Снег равнин за одну неделю
Превратился в таблетку толченую.

И уже воробьи запели,
Забывая метель никчемную.
Ты взглянула с нежным волнением,
Будто горя и сладости поровну.
И дохнуло мартовским веяньем
В мир, в котором тепло и просторно нам.

* * *

Я была, как и ты, в аду.
Я горела с тобой в огне.
Неподвластную лишь стыду,
Эту жизнь ты предсказывал мне.

Я горела с тобой в огне,
Проклиная острые скалы,
И в глубоком, печальном сне
Я дорогу к спасенью искала.

И в глубоком, печальном сне
Мне встречалась подруга осень.
Знала я, что в постылом дне
И ее, и меня кто-то бросил.

Александра Шатонова

Учащаяся 11 класса ЦОМ № 14 г.Иркутска

* * *

Холодные звезды и пьяные ивы,
Соленая горечь и сладкий мартини,
Обычные будни и серые ночи,
Бездушные люди, и нам не помочь им.
Они никудышны, они без названья,
Обламывать сучья – вот их призванье,
И нет в них ни воли, ни духа, ни страсти,
И все они голодны, всем надо власти.
Они не мечтают, не любят, страдая,
Они жаждут славы, они не гадают,
Они все спокойны, они угасают.
Но лучше быть «белым» и вольным, и сильным,
Чем серым, обычным и даже «стерильным».

Мария Бурина

Студентка 2 курса архитектурного факультета ИРГТУ

* * *

Беззвучие...
Слушай, как шелестят цветы
И капает роса с медуниц.
Беззвучие...
Вдумайся в эту мелодию,
Всмотрись ближе в трепет лепестков роз.
Шмель, шмель такой маленький,
А уже летит к бутону, чтобы набрать нектар.
Пение соловья, оно не вдруг и непонятно
Возникло из гущи деревьев.
Оно озарило лес и озарило поляну.
Пение соловья проникло во все трещины
Невидимой тиши, осветило планету.
Беззвучие было, но его заполнили звуки жизни.
Но как здорово наблюдать этот переход
От безмолвия к музыке
И созерцать этот трепет жизни.
Ее неуловимую динамику.
Переход от статичности к вальсу.
Беззвучие... Какое необычное слияние звуков
Несет в себе это слово!
И хочется запеть и унести
В ритме музыки, в ритме танца.
Беззвучие... Слушай его необыкновенную,
Но осязаемую, притягивающую силу.
Беззвучие.

* * *

Как зовут мою планету – я не знаю
Красками я нарисую в ней себя.
Дождик... дождик... Господи, я таю!
Слишком много акварели – это я.

* * *

Нюанс, один нюанс, а колорита нет
Как на картинах этих и тебе.
Зачем случайно даришь мне рассвет,
Когда закат давно горит в душе.
Зачем приносишь свой пытливый взгляд
Под сказочную маской полусна.
Зачем с себя срываешь тот наряд,
Что бережет от знойного дождя.
Что для тебя ранимые слова?
Что для тебя утраченная грусть?
Напрасно просится душа
В мою проникнуть, я – боюсь.

* * *

Хрупкость из кусочка льда,	Это шелест, это крик.
Паутинка на страницах.	Это клякса на страницах.
Эти письма из вчера,	Это много – в краткий миг,
И слезинка на ресницах.	Но нельзя остановиться.
Эта рифма о тебе,	Ливень, гром и снегопад.
Этот плач из ниоткуда.	Это молния в разрезе.
Не сегодня и нигде,	Дождик шлепает не в такт.
Не сейчас и ниотсюда.	И гроза гремит на небе.
Заберись на небосвод,	Грезы, слезы, фонари.
Обхвати его руками.	Это – все, и это – мало.
Это тает твердый лед,	Полетаем до зари,
Тает снег под сапогами.	Чтобы счастье не пропало.

* * *

Мне нравится плакать.	Мне дико и странно
Мне нравится ждать.	Тревожить струну.
Мне нравится падать	Мне нравится слушать,
И снова взлетать.	Ловить тишину.
Мне нравится ветер,	Мне нравится солнце,
Мне нравится снег,	Мне нравится дождь,
Мне нравятся дети	Мне нравятся звезды,
И тот человек...	Мне нравится ночь.

* * *

Мой замок стар и крыши в нем худы.
Снаружи мрачен, но внутри он светел.
И шпили башен до того остры,
Что их не задевает ветер.
Мой трон скрипит, и щели на полу,
От времени корона заржавела.
И прах, напоминающий золу,
От мантии, которая истлела.
Мне снится сон, и он всегда один:
Безмолвие могилы, мрак и стужа,
Идет по свету темный властелин,
Неся забвенью обреченным душам...
Сон непрерывен, сон без перспектив.
И время в нем давно остановилось.
И долго будет мне звучать мотив,
Навеянный потусторонней силой.
Мой замок стар и крыши в нем худы,
Но, вопреки всем вековым заветам,
Сумеет уберечь он от беды,
Когда вернешься ты мои объятья.

* * *

Невинный каприз.
Живая слеза.
Где ты, мой эскиз?
Он там – изо льда.
А рядом мосты...
А ты не пришел.
Сгорели они –
Огонь их нашел.
Здесь краски и мел,
И штрих. Нет тебя...
Ты в звонкой броне,
А, может быть, – я?
О, нет, это – ты.
Ведь ты – мой каприз.
Слеза – это я,
А ты – мой эскиз.

МИНИАТЮРЫ ПЕРВОЦВЕТА

Александра Шатонова

Учащаяся 11 класса ЦОМ № 14 г.Иркутска

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Он проснулся очень рано, но не как обычно от звонка будильника, а от странного предчувствия чего-то плохого. Он лежал с открытыми глазами и вслушивался в не предвещающую ничего хорошего мертвую тишину. В квартире не пахло ранним весенним утром, а солнце светило хоть и ясно, но как-то скованно и напряженно. Не пели птицы, не шумела листва, не ездил ранние машины, не слышалось голосов.

Он поднялся с кровати, и его собака не подбежала к нему, как обычно, весело виляя хвостом и поскуливая от желания выйти на улицу. Не

скрипели половицы под его ногами, и от пола шел черный пронизывающий холод.

Как не знакомы были ему все эти ощущения! Какой-то неизвестный, скользкий страх сковал его тело.

Неожиданно тишину пронзил резкий, колючий звук – взвыла сирена. Руки задрожали, потемнело в глазах, в груди сделалось тесно, и, распахнув дверь, он вышел на балкон. И только теперь он понял, что в их спокойное, тихое место на окраине города пришла страшная женщина, в черных одеждах, забирающая души тысяч людей, и имя ей было ВОЙНА...

ПОТЕРЯ

Белая лошадь могла часами стоять под старым деревом. Ей оно почему-то казалось родным и близким. Вот так стояла и думала. Думала о своем хозяине, который любил ее, думала о маленьком жеребенке, резвившемся на лугу, мать которого всегда проходила мимо нее, фыркая и пристально смотря на ее белоснежную статную фигуру. Думала о прозрачном ручье, пересекавшем дорогу от конюшни до старого дерева, под которым она так часто стояла. Думала о большом звездном небе, которое дополняло ее тоску в эти длинные прохладные ночи. Ду-

мала о недавно умершей собаке, что приветливо обнюхивала ее каждый раз, когда она выходила из конюшни. И вообще думала о своей жизни, в которой, как считала сама лошадь, она не оставила после себя ничего хорошего.

«Зачем тебе эта старая кляча?» – спрашивали соседи у хозяина.

«И вправду, зачем я ему?» – думала лошадь.

Пока лошадь рассуждала о смысле жизни, на землю спустились сумерки, а потом и совсем стемнело. На небе одна за другой появились звезды, но белая лошадь так и оста-

лась в прозрачной ночи, фыркая и смотря в никуда черными, наполненными немой грустью глазами.

Утром хозяин закопал ее, еще теплую, под старым деревом. Так он потерял самое дорогое, что оставалось у него в жизни. Черная горечь

переполняла его сердце в этот день, и это чувство преследовало его еще очень долго.

А белая лошадь отправилась на небо, которое помогает нам в плохую минуту.

Надежда Алексеева

16 лет, п. Качуг

В КУЛАКЕ

Рассказ

Так обидно было. За что? Будто ударили. Он пьяно собирал ногами деревянную полосатую дорожку на полу. Было душно за стеклами веранды, и хотелось по-мушиному слезливо биться в окно.

– А может, мне вообще уйти?

– Так прямо и уйдешь? – глупо улыбаясь, спросила я.

– Ну да, так и уйду. Не веришь? Хлопну дверью и уйду. Не веришь?

– Ну что ты, верю, верю, – издевательским тоном доктора по отношению к душевнобольному сказала я, все еще не понимая, как мы вдруг вышли на эту его любимую тему: «А может, нам разругаться?»

Он, сжав губы, молча посмотрел на меня, резко развернулся и вышел, скомкав окончательно дорожку. Дверь заныла и хлопнула, за ней тяжелая калитка крикнула басом.

Ну, вот и все.

Я еще постояла и вышла тоже, но от вечерней прохлады ощущение, что я муха, зажатая в кулаке, не исчезло. Просто пойти куда глаза глядят... собирая новыми кроссовками

куриный помет. За калитку – туда, где стариковски скрипучий, хромо́й стол в серой от времени беседке, щелястый забор... Там черные деревья сплели сухие пальцы веток, там земля усыпана взъерошенными еловыми шишками, там тонкая пленочка, опоясывающая березы, отслаивается и светится белой шуршащей подарочной упаковкой. На одной такой березе висит круглое синее пятнышко – его брелок.

Нет, к черту брелок! Сорвала его и со всей силой своей боли, своей злости размахнулась... Бросила живой синий шарик в зеленую траву. И будто ткнулась изнутри полетевшей за пятнышком рукой об упрямо сжатую ладонь.

Продолжая ощущать себя букашкой в кулаке, побродила среди деревьев, отпिनывая сухие ветки в стороны, наступая на шишки, – чешуйки растерзанно в стороны, – и все думала: если б смогла заплакать, стало бы легче...

Да, легче... Забилась между старым тополем и забором, устроив-

уличная серая пыль). Обнимала себя за колени ледяными руками, цепене-ла от холода и желания заплакать, закрывала глаза: отгораживалась от сгущавшейся темноты, разложившей по земле мягкие и густые фиолето-вые тени. Они ползли под мертвыми палками деревьев, как змеи, все гуще и темнее, а я вспоминала, как их вы-тесняют по утрам первые лучи рас-светного солнца.

Я пошла домой, когда изрезала пальцы острыми краями жестких тра-винок. Долго еще стояла у калитки, не решаясь толкнуть гнилую вертуш-ку. Знала, что он больше не придет, и не могла понять: если все это закон-чилось – эти хождения в обнимку, ласковые слова, поцелуи и улыбки глаз – зачем тогда все это было?

«Не будет тебе никакого ответа», – сказал из травы невидимый синий брелок, и я, наконец, ушла.

Дома пила чай из большой бе-лой кружки. «Да забудь ты его», –

сочувственно сказала кружка, но я вспомнила, как он вертел ее, бе-лую, в смуглых пальцах... А вон тот стакан на полке хранит еще, неверное, тепло его губ. Как их можно забыть... Ненавижу, нена-вижу тебя!

В дверь тихо постучали. Нена-вижу!

Еще раз после деликатного мол-чания. Ненавижу! – открывала я дверь. А когда вышла в душистую, влажную ночь – не поверила его трезвому лицу.

– Каюсь, – сказал он и опустил-ся на колени. – Виноват, рубите! – И склонил голову.

Озноб, охвативший меня, разжал, наконец, душный кулак, я увидела шею, оголившуюся с наивной дет-ской доверчивостью. Присела и по-целовала ее прохладную, смуглую кожу.

*

*

*

«ВРЕМЕНА ГОДА»

ОСЕНЬ

Осень, пожалуй, самая прекрасная пора в природе. Это время грибов и ягод, сбора урожая с полей и огородов.

Деревья и кустарники сменяют зеленые кафтаны на золото и багрянец. Листочки на деревьях трепещут при каждом дуновении ветра, словно от страха быть сорванными с ветвей, а те, что уже сорваны, шуршат под ногами прощальной мелодией уходящего лета.

...Наверняка многим известно выражение «грибная охота». Сладостно предвкушение, приготовление к ней. Великолепен и сам процесс сбора грибов. Всякого рода снедь и корзины готовят уже с вечера. Несколько часов езды – и мы на месте. Весь провиант выкладывается на траву, и все разбредаются по лесу. Идешь и

замечаешь бугорок из пожухлой и пожелтевшей травы и хвои. Осторожно его перевернешь, а из-под него смотрит прямо на себя молоденький груздочек с мохнатыми краешками. Тут же, лихорадочно оглядываясь, глазами ищешь остальные, памятуя о том, где грузди растут семьями. Где-то вверху, в ветвях, торпливо зацокала белка, словно предупреждая остальных обитателей леса о нашем появлении.

День клонится к закату, последний луч солнца бросает на макушки деревьев золотистый отблеск. Кажется, что с солнцем уходит последний теплый день.

Мы отправляемся в обратный путь. Скоро отойдут и грибы, и тогда уже ничто не нарушит покоя леса и его обитателей.

ЗИМА

...Равнина. Огромная, взявшаяся из ниоткуда и уходящая в никуда. Она покрыта толстым и пушистым, словно меховым, покрывалом. И тишина... Кажется, что в целом мире ничего, кроме этой равнины, нет. Голова будто набита ватой.

Но вот падает снег. Слышен шорох падающих снежинок. Этот шорох кажется чужеродным, неуместным здесь. Он нарушает покой и гармонию равнины, вносит хаос.

Далеко вдали виднеется небольшой лесочек, который скорее напоминает рощицу. Там все живет своей жизнью, и раздаются время от времени разнообразные звуки. То это шорох упавшей ветки, то цоканье белки, то трещанье потревоженной сороки.

Все деревья, как в сказке, покрыты снежной изморозью, словно кружевом. Березки стоят, свесив веточки, будто девушки платочки, в при-

чудливом хороводе. Ели и сосны раскинули в стороны ветви, они походят на лохматые лапы невиданного зверя. Местами их украшают шапки кипенно-белого цвета. Лесок напоминает царство снежной королевы.

Теперь он будет спать до прихода весны. И только весна своей звонкой капелью сможет разбудить лесок и все живое в нем.

ВЕСНА

К исходу зимы, по ночам, морозы крепчают, словно не желают сдавать своих позиций. А солнце с каждым днем все сильнее прогревает остывшую за зиму землю. Готовясь к зиме, она еще с осени, словно зверек перед спячкой, сменила зеленый летний покров на зимний – белый.

На открытых солнцу местах появляются проталины. Снег, еще недавно безупречной белизны, теперь посерел и кое-где просел. С крыш то тут, то там капает, звонкой мелодией отдается на асфальте сбегаящая с тающих сосуллек вода.

Пьянящее дыхание весны чувствуется повсюду: слышен оживленный птичий гомон, острота чувств повышается до предела. Грудь разрывается от непонятого восторга и ожидания перемен. Небо окрашивается в необычайной голубизны цвет.

Почки на деревьях набухают, готовятся прорваться и дать жизнь молодому, новому – юным, как перволашки, еще пахнувшим смолой листочкам. Скоро оденется в белоснежный благоухающий наряд и черемуха, и ничто не сможет сравниться с ней в красоте...

ЛЕТО

Прекрасная пора. Пора летних отпусков, школьных каникул, поездок к морю. Хорошо бы уехать на речку, на дачу за город, вырваться из вечной, не прекращающейся ни на минуту городской суеты. Самое время достать бононожки, шорты, солнцезащитные очки, вооружиться пачкой печенья и кремом для загара, отправиться к воде и, расположившись на лужайке или среди травы, пригревшись на солнышке, блаженно задремать.

Лужайки и поля веселый озорник – лето накрыл скатертью из высоких и благоухающих трав, на которых деловито снуют огромные жуки.

Пробегая по полям, лето разбросало всюду цветы, которые пестрыми пятнами лежат на зеленом ковре. Летом существуют два явления, способных надолго испортить настроение: жара и тополиный пух. Ну, если с тополиным пухом бороться невозможно, то с жарой...

В очень жаркие дни многие горожане отсиживаются в какой-либо реке или озере. Разомлели под солнцем, плескаются, когда каждое движение дается с трудом.

Как приятен бывает летний дождь. Он всегда теплый и в жару не заменим.

...Стоит очень жаркий, даже душный день. Что-то должно произойти. Такие душные дни всегда являются предвестниками дождя или грозы. Листву не тронет даже малейшее дуновение ветра, настолько воздух наэлектризован. Кажется, будет гроза. Птахи умолкли, словно в предчувствии чего-то неведомого. Но вот пыль на дороге, траву и листву деревьев тронули первые капли. Тронули робко, несмело, как бы спрашивая у них разрешения, и, получив его, уже во всю устремились к

земле. Асфальт блеснул своим прежним цветом, как во времена своей молодости. Листочки глянцеvито заблестели, деревья и трава на газонах ожили. Все оделось в самые сочные краски, которые приберегли на этот случай.

При слове «лето» память рисует кисточки спелой ягоды. Лето плавно переходит в осень, наступает бархатный сезон. Дневная температура приближается к ночной, и нет того зноя, что изводит всех днем. Через несколько дней и это тепло закончится. Придет черед осени.

МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

Жил-был мыльный пузырь, точнее даже не жил-был, Мыльный пузырь – одна из форм существования весьма увесистого куска туалетного мыла.

Мыло было нежно-розового цвета и обладало приятным земляничным запахом. В общем, очень хорошее мыло. Поэтому пузырь считал себя красивым и был горд собой. От сознания собственной красоты он стал смотреть на окружающих немного свысока и поднимался все выше.

По мере того, как Мыльный пузырь поднимался, его глазам открывалась следующая картина: вначале прямо перед ним простиралась серебристая гладь реки, которая превращалась в тонкую голубую нить.

Теперь река лежала посреди бесконечного зеленого травяного поля, словно голубая нить на зеленом ковре, взявшаяся из ниоткуда. Трава, окаймлявшая берега, была пышнее и кружевом оплетала берега говоруньи-реки.

«Как замечателен этот мир! – с восторгом думал он. – И как я дополняю его своим существованием, это, наверное, я так его украшаю, ведь я такой круглый, а на моих боках переливаются все цвета радуги!»

От важности он возомнил себя таким значимым, что захотел раздуться еще больше, его тонкие стенки не выдержали, и он лопнул.

А мир продолжал свое существование.

СТАРЫЙ ШКАФ

Эту историю поведал мне знакомый старый шкаф. Когда-то это был очень даже неплохой шкаф, но теперь он служил последним пристанищем для старых и ненужных вещей, перед тем, как им отправиться на свалку.

По ночам накануне новогоднего праздника он рассказывал мне историю своей жизни или сетовал по поводу того, что сейчас он служит лишь местом хранения всякого рода хлама. Во времена его молодости в нем хранили парадные костюмы и платья, говорил шкаф с ноткой легкой грусти в голосе, а это было знаком доверия, считал он. Шкаф очень гордился тем, что ему доверяли дорогие и красивые вещи. Когда-то он был покрыт лаком, а ручки на дверцах сверкали золотом. Позолота от времени потускнела, а лак местами облупился, но все же, рассказывая о своей жизни, шкаф загадочно поблескивал в полумраке комнаты.

Но вот однажды было решено увезти шкаф на дачу. Его стали разбирать. «Ой! Что это? – всполошился шкаф. – Неужели меня разбирают? Но для чего?» Он перебирал в уме разные варианты, но подходящего, который успокоил бы его, так и не находил. Оставалось последнее: «Неужели меня выбросят?» Он так опечалился, что дверцы его тоскливо заскрипели, а позолота на ручках поблекла еще сильнее. «Ведь я столько лет помогал хозяевам содержать ве-

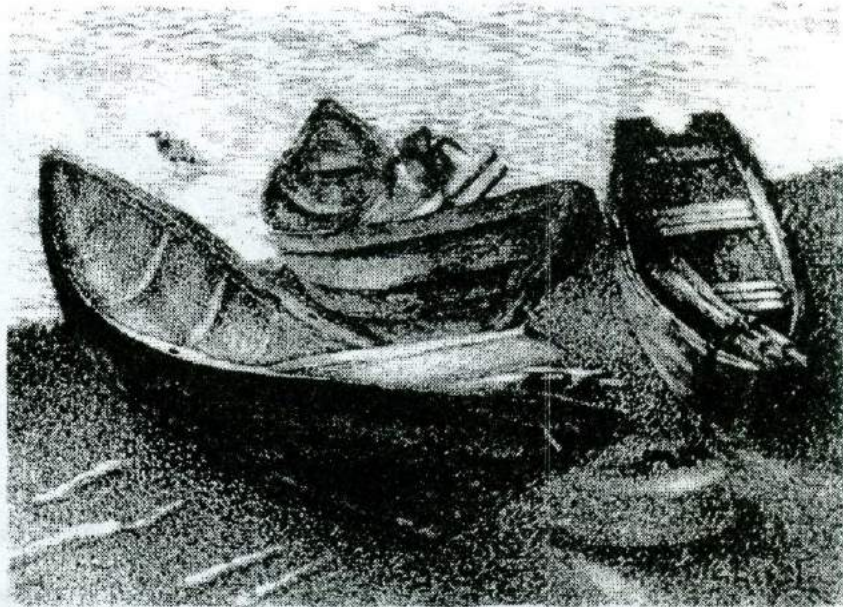
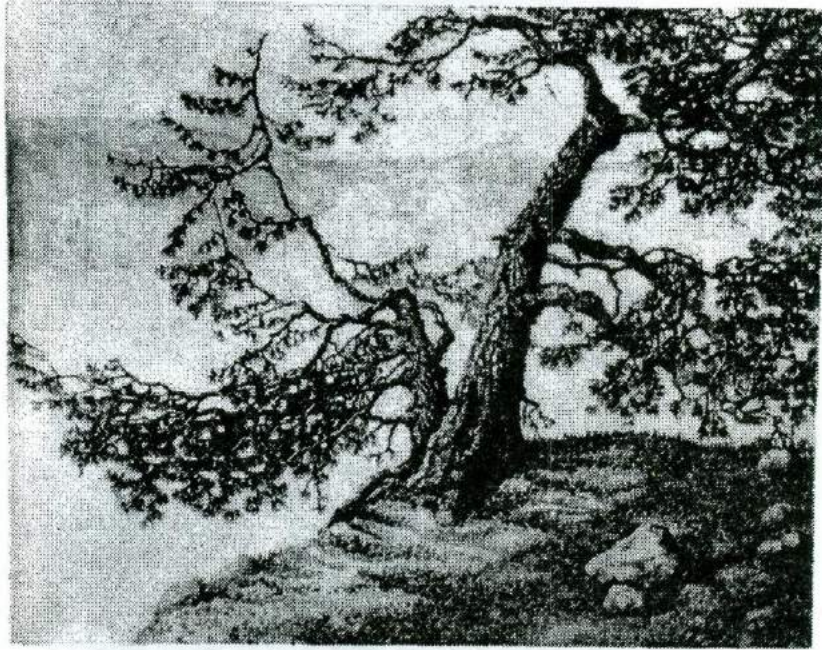
щи в порядке, а теперь я, значит, никому не нужен...»

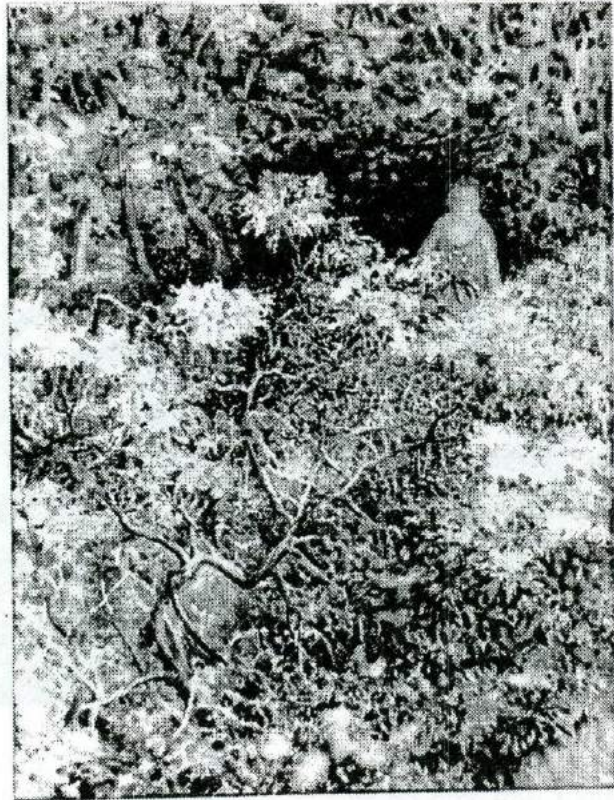
Его отвезли на дачу и оставили, прислонив к стене. Теперь он предавался воспоминаниям и ждал дальнейшего. Порой ему хотелось иметь голос, чтобы крикнуть: «Не выбрасывайте меня!», но он не мог этого сделать, даже при всем своем желании жить дальше. Он лишь покорно ждал своей участи. Так прошла неделя, другая близилась к концу, когда на даче послышались голоса хозяев.

Шкаф грубо кинули на пол. «Вот и все, – мысленно он весь съежился. – Неужели меня все-таки выбросят?» Он до сих пор надеялся на чудо. Но он напрасно волновался. К его великой радости шкаф стали собирать. Стеночка к стеночке, полочка к полочке.

«Меня не выбросят и не предадут огню?! Это будет один из счастливейших дней всей моей жизни! Но чего он мне стоил! – у него вновь появилась угаснувшая было надежда. Как же медленно меня собирают и приводят в порядок. Боюсь, что им надоест возиться со мной, и они меня все-таки выбросят», – он так разволновался, что даже перестал скрипеть, чтобы хозяева не передумали. А когда с него стерли пыль, он блеснул оставшимся лаком.

Шкаф собрали, поставили к стене. На этот раз он не жаловался, что его забивают ненужными вещами.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ ПЕРВОЦВЕТА

НОВОЕ ИМЯ В ИРКУТСКОЙ ГРАФИКЕ

Недавно на городских и областных выставках Иркутска появились работы молодой интересной художницы Елены Павловой. Как всякий молодой художник, она еще в поисках творческого пути, но о его начале уже можно судить по ее работам в графике и большим акварельным пейзажам и натюрмортам.

К счастью, судьба распорядилась так, что Елену приняли в свое время в Иркутское училище искусств, которое она закончила в 1989 году, а затем, успешно поработав в Художественной школе, поступила в мастерскую станковой графики Красноярского Государственного художественного института. Именно там она открыла для себя широкие возможности разнообразной графической техники, требующей от художницы таких серьезных «неженских» качеств как точность, организованность, умение работать с разными материалами (дерево, металл, кислота).

Но Павлова – не просто график, обладающий навыками работы с материалом. Она – очень талантливый график, умеющий линией, штрихом, пятном не только воспроизвести разную фактуру предметов, но и создать художественный образ. Прежде всего в ее работах приятно удивляет отсутствие претенциозности, такой характерной в наше время. В своих офортах она обращается к нехитрым обыденным мотивам: виду скромной деревни, старым деревянным лодкам на берегу, а то и просто к фрагменту крестьянского двора. Главное в них – даже не сами мотивы, которые достаточно часто появляются в произведениях многих художников, а в особой задушевной и простой их трактовке. Так, в работе «Крыши старой деревни»

(1997), оживленной лишь двумя фигурками женщин, это ощущается в милом, даже несколько нелепом нагромождении деревенских домов, в ритме их кривых крыш; в офорте «Утро» (1997) – в тщательном, любовном изображении уже отработавших свое вещей: старых ведер, коромысла, керосинового фонаря, притулившихся у такого же старого забора; в работе «На даче» (1995) эта симпатия к обыденному, неприметному проявилась в том, что в центре композиции с отдыхающими после зимних игр детьми художница изобразила печку с аккуратно разложенными для просушки валенками. Прелесть работ Елены Павловой в том, что эти обычные бытовые мотивы, увиденные глазами художника, заставляют вспомнить истинные ценности уходящего быта: тепло и уют деревенского дома; может быть, с грустью подумать о судьбе старых вещей, а через это – о тепле человеческих взаимоотношений. Такой задушевный, искренний тон работ особенно ценен в наши дни, когда в произведениях многих художников все чаще чувство вытесняется разумом, когда красивые по цвету и оригинальные по замыслу и композиции картины по сути не вызывают никаких эмоциональных душевных откликов у зрителей.

То, что Павлова – талантливый график, видно не только по ее законченным работам, но и по черновым зарисовкам, сделанным пером и тушью, ручкой или фломастером. Как правило, это многочисленные деревенские виды, пейзажи, бытовые сценки. Вот кухня деревенской избы с маленьким окном, облупленной печкой, разномастной кухонной утварью. Вокруг круглого стола

– крепкие табуретки... Вот сцена на огороде: крупная женщина наклонилась над грядкой, рядом – маленький мальчик крепко прижимает к груди яблоки... Вот группа людей у костра. В этих листах удивительны точность глаза и руки художницы, умеющей одной тонкой линией, без каких-либо поправок передать характер лиц, возраст людей, особенности предметов. Как считает сама Елена, этим она обязана Андрею Ивановичу Юшкову, у которого она училась в Иркутском художественном училище.

Начинаясь из одного угла, с какой-то одной точки, ее линия вьется, вплетая в общую ткань листа и архитектурные конструкции, и людей, и вещи. Линия не забывает отметить и выщербины табуретки, и тени от абажура, и блики чайника, и стоптанные задники тапочек. Умелая композиция, где планы интерьера или пейзажа абсолютно точно соотносены друг с другом, создает ощущение пространства, например, замкнутого или бесконечного, как в пейзажах, сделанных в Шишкино. В таких композициях одинаково активно работают и линия, и чистый лист. Возможно, поэтому особенно выразительны у Павловой заснеженные пейзажи. Легкие и точные линии на белом поле бумаги дают реалистическим зарисовкам Елены Павловой изысканный декоративный характер.

Художница хорошо чувствует материал, с которым работает. Совсем иной характер имеют ее акварельные пейзажи и натюрморты, такие, напри-

мер, как «Хакасские камни» (1998), «Столбы» (1998) или пейзаж с изображением сосны на скале. Эти большие пейзажи имеют скорее эпический характер, возможно, унаследованный Павловой от красноярской пейзажной школы. Их композиции строятся либо с очень низкой точки зрения, позволяющей почувствовать высоту берегов водоема, грандиозность скал или стройность деревьев на дальнем плане, либо, наоборот, с высокой точки зрения, когда первый план резко противопоставлен второму, расположенному далеко внизу, что создает ощущение мощи переднего плана. Этот эпический размах, построенный на контрастах планов, можно почувствовать и в небольших этюдах маслом, сделанных на Байкале или на Лене, у Шишкинских писаниц.

Акварельные работы Павловой интересны и сложной разработкой цвета. Особенно это видно в живописи камней скал. Их граненые слоистые формы построены цветом: желтизна освещенных поверхностей усилена фиолетовыми тенями, а их розовые грани подчеркивают зелень травы. Здесь художница умело использует и акварельные «затеки», и эффекты живописи по мокрому листу. Серия небольших пейзажей построена на контрасте темных пятен деревьев и гор и размытого сложного фона неба.

Елена Павлова обладает всеми необходимыми качествами художника – и способностями, и трудолюбием. Хочется верить, что она сумеет реализовать свой большой творческий потенциал.

О.К.Федорова,
искусствовед

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ПЕРВОЦВЕТА

Поэтический клуб «Истоки»
ИРГТУ

Евгения Ковалева
восточный факультет

* * *

Мы провожали Любовь по воскресшему талому снегу.
Мимо праздничных улиц и серых домов.
Мы провожали Любовь к человеку,
Мы провожали Любовь.

Солнце светило, и мир наполнялся надеждой,
Но вдруг застыл, вспоминая забытое вновь –
Люди, машины, как будто не видели прежде,
Как на земле провожают Любовь.

Черные лужи и грязные капли событий,
Пятна на сером снегу под названием – кровь...
Слышите, люди, любите, любите, любите!
И никогда не теряйте любовь!

Екатерина Столярова
химико-металлургический факультет

* * *

Закружившись в буднях
Событий заурядных,
Уже не замечаем
Трагедий с нами рядом.

Присев уютно в кресле
Вестей посмотрим сводку:
Терракты, смерть, убийства,
А после – спорт, погодка.

Воскликнув: «Это ж надо!»
Забудем чье-то горе.
А завтра нам покажут
Другие лужи крови.

Откинем равнодушия
Преграду. Верю я.
Ведь корка на сердцах –
Нет, не болезнь, – трагедия.

* * *

Здесь свет, там мрак.
Здесь сорт, там брак.
Богат – любим,
Бедняк – гоним.
Пригож – простить,
Не гош – казнить!

* * *

Равномерный стук по рельсам,
За окном пейзаж привычный.
Откровенная беседа
С незнакомцем в электричке.

Он расскажет мне про юность,
И какие пели песни,
Как жилось в деревне трудно,
Но работали все вместе.

«Мы тут с матерью от сына
Получили пару строк:

«Извините. Очень занят...
Всем привет. Жив – здоров».

Чуть заметно дрогнет голос.
Взгляд задержится на месте.
Не поймет, пока сам молод,
Сын заплаканное сердце.

«Что ж, ну вот я и приехал,
До свидания, сестричка».
Пролетит по склону эхом
Свист прощальной электрички.

Константин Кревсун
энергетический факультет

* * *

Сколько капель в летнем дожде,
Сколько листьев к небу тянется,
Столько мной мгновений прожито,
Да еще прожить останется.

Сколько добрых дел задумано.
Дай бог сил! Сумею выстоять.
В темень купола безлунного
Яркой звездочкою выстрелить.

От бесхитростного прошлого
Враз свободной птицей выпорхнуть
И из памяти тревожное,
Как из старой сумки, вытряхнуть.

А потом, родившись заново,
Ради времени грядущего
Постараться сделать главное
В этой жизни, мне отпущенной.

Светлана Сокольников
международный факультет

Сон

Я устала, я очень устала...
Дышит смертью равнина небес.
И когда же я облаком стала?
Мое тело утратило вес.
И когда того пожелаю,
Я тотчас же взлечу в небеса
Отворятся мне врата рая –
Подо мной голубые леса...

Евгений Сысоев
машиностроительный факультет

* * *

Приоткрой ты ставенки,
Ой, да приоткрой!
Глаз твоих лукавинки
Сердцу дарят боль.
А с лугов повеяло
Скошенной травой,
Таволгой и клевером,
Свежестью ночной.
Лепестками роз да твой
Путь я застелю.
А еще со звездами
Месяц подарю.
Да еще гитарный тот
Струнный перебор,
Да леса коварные,
Да речной простор.

А когда отважится
День задуть огни,
Вдруг с тобой окажемся
Мы совсем одни.
Я – три слова шепотом,
И в карие глаза
Поцелую, чтобы ты
Не могла сказать
Ничего ответного:
Прочитаю сам
Самое секретное
По твоим глазам.
А потом устанет нас
Ждать родня домой.
Приоткрой ты ставенки,
Ой, да приоткрой!

Потустороннее

В заката раскинутых лапах
Заснули, уставши от слез,
Улыбка надежды и запах
Ее золотистых волос.

Кипела жестокая битва,
Земля полыхала огнем.
Повержен противник, разбито
Несчастное сердце мое.

Напрасно весь день в ожиданье
И ночь провела ты, мой свет.
Прости, что такое страданье
Тебе причинил напослед.

Но горе земное не вечно –
Ты больше меня не зови,
А только лишь помни о встрече
В мирах настоящей любви.

* * *

Когда солнце скатилось в надир,
Тишиною закутало дали.
Погрузился таинственный мир
В мои смутные тени-печали,
Когда солнце скатилось в надир.

Желтой птицей взлетела луна,
Расправляя затекшие крылья.
Снова новою силой полна,
Вспоминая дневное бессилье,
Желтой птицей взлетела луна.

Беспокойно ворочался лес,
Как капризный ребенок, не спал он.
И когда белым пухом с небес

Его зимняя ночь укрывала,
Беспокойно ворочался лес.

Я пытался понять этот мир,
Что само по себе невозможно.
В марше смерти и в пении лир
Одинаково разный и сложный
Я пытался понять этот мир.

Но все то, что дышало со мной,
С моим телом под утро рассталось.
И потом на бумаге простой
Описал я лишь самую малость
Из того, что дышало со мной
В час таинственный, темный, ночной...

Алексей Днепровский

химико-металлургический факультет

* * *

Мне не бывать в раю небесном
С моею грешною душой.
Я не услышу райских песен.
Дай бог мне рай хотя б земной.

Зачем мне звон святого злата?
Зачем мне храм святых отцов?

Зачем мне божия палата,
Где нет глупцов и подлецов?

Где нет манящих бочек с пивом,
Окромe райского плода.
Не делай, бог, меня счастливым
И не бери меня туда.

Александра Неронова
архитектурный факультет

* * *

Сейчас суббота, завтра – воскресенье,
А лето клонится ко сну.
И только дождь не летний, а осенний
Стеною мокрой затопил луну.

Сижу в квартире, здесь тепло и сухо,
Смотрю любимый фильм, чего-то жду,
Но только лишь комар голодный в ухо
Поет мне песню про свою судьбу.

Комар, комар, тебя я понимаю.
Я голодна не меньше, но увы,
Я о другом, я о другом мечтаю,
И лишь об этом снятся ночью сны.

Еще суббота, скоро воскресенье,
Часы идут, и шумно за окном,
Там просто дождь, не летний, а осенний.
Забуду все. И сплю я сладким сном.

* * *

Мечты предаются,
А дни остаются,
Лишь слышно, как
Боги тихонько смеются.

Пришло и осталось,
Засело, вцепилось,
И только на время
В душе затаилось,

Друзья забывают,
Печаль оставляют,
Ты, кажется, знала,
Что это бывает...

Наступит мгновенье,
И без сожаленья
Ты больно ударишь,
Души побуждением.

Не только обида,
Не только досада,
А ненависть –
Худшее чувство из ада,

Ты будешь злорадствовать,
Но и страдать,
И против ни слова
Не сможешь сказать!..

Рада Черноусова
архитектурный факультет

* * *

И снова ритм, и музыка печальная,
И снова дождь – холодный, нескончаемый.
И снова горький чай, и боль тянущая,
И цель абсурдная – ничтожностью могучая.
И поиск в пустоте уюта конечной.
И память, как источник муки вечной.
И снова ждать, надеяться и верить!
И невозможность истину проверить...
И ветра в темноте тоскливые стенания,
И не дающие уснуть воспоминания.
И редкой сладости пьянящая отрада...
Все вместе – счастье...

Так чего ж мне надо?!

Дмитрий Марков
горный факультет

Зимнее

Снег кружится! В рукавицу
Спрятавши тепло руки,
Белокудрая девица
Вяжет небо в узелки.

Напевает песню нежно –
Про любовь, про васильки:
Ночь прислушалась прилежно,
Затаилась вдоль реки.

Ах, девица! Ах, царица!
Зачарован я тобой!
Белым яблоком катиться б
Вслед тебе, – ты только пой.

Только пой, чтоб я мог слышать
Где ты, где, моя душа...
Утро залатает крыши –
Мы исчезнем не спеша...

Наталья Кондрашова
кибернетический центр

* * *

Лето, знойное лето.
Солнышко после грозы.
Я знаю сейчас, где ты,
Но это уже не ты.

Ты остался где-то
В шуме того дождя.

Лето, пьяное лето,
Тебя увело у меня.

Когда я тебя встречу –
Заплачу, захохочу.
Дождя соленого капли
Скатятся по плечу.

* * *

Закружила осень меня златом,
Золотом червонным зачисли.
Может быть, я был вчера солдатом,
Может, это жизнь меня нашла?
Я лежу. Вокруг пустые ветви,
И листва кружится на ветру.
Я лежу и сам себе не верю:
Может быть, я завтра не умру?
А вокруг-то небо голубое
И по ветру золото кружит.
Может, это счастье вот такое:
Не томясь ничем, на свете жить?

* * *

Ты – моя загулявшая осень,
Что туманом стоит поутру,
Платя с вышивкой нехотя носит
И кукушкой смеется в бору,
И ломает все швы и узоры,
Что мороз долгой ночью плетет,
И глядит так подолгу с укором,
Будто солнечных дней еще ждет.
Ты – моя золотая беспечность,
Откружившая с шелестом вальс,
И хранящая в памяти вечность,
Затаившая что-то сейчас.
Только дунь – и взметнешься на волю,
И по ветру на мир полетишь,
Не ища себе лучшую долю,
Пока в небе свободно кружишь.

ПРОЗА ПЕРВОЦВЕТА

Татьяна Андрейко

Член Союза российских писателей

ОЧИ ЧЕРНЫЕ, ОЧИ КРАСНЫЕ

Р а с с к а з

– Сеструха, приехала-таки! Ну ты молодец! – растроганно клюнул меня в щеку брат, встретив в аэропорту. – Пошли скорее, я для тебя такой ужин приготовил, закачаешься!

– О-ой, не говори мне про еду! Ничего не хочу. Так уболтало в самолете, что только чаю – и спать!

– Потом отоспишься! – подхватил он меня под руку и уже в такси пообещал: – А чаю я тебе хоть целую ванну заварю!

Не успели мы войти в квартиру, как братец потащил меня на кухню.

– Дай хоть сапоги снять, а то грязь потащится! – попыталась я, как нормальная старшая сестра, соблюсти какие-то приличия.

– Ничего страшного, возьмешь тряпочку и лакируешь сверху. Заодно посуду помоешь – третий день руки не доходят, – с ухмылкой заявило мне это нахальное, бородатое существо с беличьим хвостиком на затылке, перехваченным черной аптекарской резинкой.

– Врезать бы тебе сейчас! – мечтательно-ностальгически сказала я.

– А если обратно прилетит? – с широченной ехидной улыбкой вернулся он мне наш детский пароль и втолкнул меня в кухню: – Вот, смотри!

Ничего себе! Какое там смотреть! Да на такой стол надо было падать плашмя и подгребать, подгре-

бать под себя эти севрюжные лотосы, горки очищенных креветок, и толстенные, истекающие янтарным соком ломти копченого палтуса! А такой огромной, многоэтажной коробищи конфет я не видела ни разу в жизни!

Набив полный рот, я все-таки пожаловалась брату: «Он меня отвлекает. Все ноги своими усами защекотал!» – и показала вилкой на метрового полосатого кота, похрюпывающего под моим стулом.

В наказание тот был оттащен за хвост к двери, но так и поленился проснуться. А в ноги мне попрежнему что-то тыкалось и тепло дышало. Я приподняла низко свисающий край скатерти, и мой желудок тяжело ухнул вниз – вцепившись лапами в прутья железной клетки, на меня осмысленно поблескивала черным бисером зрачков крысиная стая! С десятков грязно-розовых хвостов юлили, подпрыгивали и извивались, как щупальца кальмара. А пучки длинных тонких усов безостановочно елозили по моим ногам. Медленно, но очень медленно я отодвинулась от стола, вытащила что-то изо рта и затухающим, спазмическим голосом спросила: «Ты почему, гад, про крыс не сказал?»

– А что здесь особенного? Крыски да крыски, – с некоторым даже удивлением посмотрел он на меня и, откинув скатерть, прижал ладони к

пругам. – Сейчас оближут, и руки можно не мыть. Погляди, какие забавные ребята!

Замерев от отвращения, я тупо и словно со стороны наблюдала, как брат поглаживает тянущиеся к нему со всех сторон белые и черные головы.

– Ладно... хорошо, хорошо, дам вам побегать... – и еще что-то приговаривая, он открыл дверцу и выволок наружу двух пятнистых крыс. – Вот, познакомься! Это Сократ. Очень спокойный. Любит на плече сидеть. Знаешь, как стресс снимает! А это Алиса. Шустрая девчонка! Обожает крошки из бороды выбирать. Да и вообще, все они разные. И по уму, и по характеру. Мишаня, вон тот, белобрысый, с полоской по хребту – ужасно бестолковый, все время поилку переворачивает. А Цезарь – видишь, маленький, черно-белый, котяру по кухне гоняет, аж шум стоит! Тимка от него только на холодильнике и спасается. Я тебе еще африканских улиток не успел показать и тропических тараканов – они размером вот с эту кружку. Пойдем, посмотришь. Тебе дать Сократа подержать? Приятный на ощупь!

Помотав головой, я встала и вышла из кухни. И больше ни разу за неделю не заходила. Делить стол с крысами, под шуршание тараканов с пудреницу величиной, было выше моих сил. И мы бродили с братом по Владивостоку, жевали по забегаловкам пирожки со скользкой морской капустой, давились пористыми, абсолютно безвкусными американскими сосисками и захрустывали всю эту гадость картофельными чипсами.

За два часа до моего отъезда в аэропорт брат усадил меня в кресло и, нервно затянувшись сигаретой, начал разговор.

– Ты ведь знаешь, мне скоро в плавание. Насчет тараканов и улиток я договорился. За котом соседи обещали присмотреть. Цезаря и Алису тоже... худо-бедно, но пристрою. А что с остальными делать, ума не приложу! Придется сдать в террариум, на корм удавам и крокодилам. Жалко, приятные штуки... Возьми хоть парочку себе, а?

– Ни за что! – не раздумывая, выпалила я.

Но тут мне почему-то вспомнилось, как в детстве нас однажды повели в зоопарк, в террариум, и как тихо-обреченно попискивали белая мышка в углу стеклянной клетки, когда к ней лениво подползал гигантский блестящий червяк.

– Тогда для детей возьми. Животные в доме – полезно для воспитания.

Подумав про последнюю штурмовую атаку – дети прижали нас к дивану и, вторя друг другу, хором орала: «Папа, мама! Мама! Ну, купите собаку! Собаку! Хоть маленькую! Хоть кошку или хомяка! Хомячка! Мы заботиться будем!» – я торопливо ответила: «Спасибо! С воспитанием мы пока справляемся!»

– Ну, тогда для бизнеса! Дети-то нынче с претензиями пошли – то им жвачку, то коку с колой подавай. Помнишь, как мы на шипучку и на мороженое у родителей клянчили? А твой частный крысопитомник заведут, сами будут зарабатывать. Большая экономия для семьи!

Это был аргумент. Но я не сдавалась.

– Мерзкие они, понимаешь? И хвосты у них безобразные. Если бы хоть без хвостов были, как хомяки, например...

– Хомяки своих детей жрут. Сам видел. После этого их не держу. И запах от них. А крысы не пахнут.

– Ой, только не свисти!

– Если клетку вовремя не чистить, то при чем тут животные? Они на самом деле большие чистюли.

– Крысы переносят заразные заболевания. Мне еще этого в доме не хватало!

– Да я их из лаборатории взял! Подопытные они. Из-под ножа, можно сказать, двоих вытащил. Алису и Цезаря. Размножились вот. Я бы их раздарил, они быстро расходятся, но сейчас все кореша в рейсах.

– И что они едят?

– Корочки им сухие бросаю, воду наливаю. Как в карцере. А так все едят. Как люди.

– Ну ты сравнил!

– Да они лучше друг к другу относятся, чем большинство людей! Я за ними наблюдать люблю, полезно бывает поучиться. Языком-то до спины достать не могут – иногда для хохмы на них сверху чего-нибудь сыпанешь или нальешь – так они аккуратненько всю шерстку пострадавшим вычистят. Как в химчистке. И о детях заботятся. Пока маленькие не наедятся, взрослые к еде не подходят... Я случай один запомнил. Прошлой осенью дело было. Алиса тогда в первый раз детенышей ждала. Цезарь ее сильно гонял, пришлось его в ведро отсадить. А холодина в квартире жуткая стояла. Ну, так вот, захожу как-то утром на кухню, смотрю – весь пол возле клетки в белых лоскутках. А она, оказывается,

край скатерки к себе подтянула и клочков нарвала, чтобы родившихся крысят укутать. О себе не позаботилась – лежит около них и от холода дрожит. Никого к ним не подпускала, пока не подросли... В клетке жердочка была. Заберется на нее, хвост вниз свесит, а малыши по нему, будто по канату забираются и рядышком садятся. И хвостики у всех параллельно, как веревочки зависают. Потеха! Возьми хоть двоих, удав же всех сожрет!

– Даже не знаю... Мне их в руки брать страшно, вдруг укусят?

– Они же ручные! Когда по мне бегают, даже коготки поджимают. Подожди, я тебе сейчас маленького детеныша дам, их две штуки от последнего помета осталось. А если тебе совсем противно будет – все, больше не буду приставать. Пошли на кухню!

Ругая себя за бесхарактерность, я поплелась следом... Брат выдвинул клетку из-под стола и достал из нее действительно маленького, меньше обычной мыши, черно-белого крысенка с антрацитово поблескивающими глазками.

– Держи! – и он посадил мне этот шарик на ладонь.

Я рефлексивно сжала мыша в кулаке, чтобы не удрал. Не знаю, у кого из нас двоих в эти секунды сильнее стучало сердце, но существо было мягким и очень теплым. А сердчишко тукало мне прямо в пальцы.

– Почему он такой горячий? Больной, что ли? – осторожно потрогав махонький пяточок, подозрительно покосилась я на брата.

– Не переживай! – повеселевшим голосом ответил он. – Как младший, и в чем-то даже научный

сотрудник, могу определенно сказать, что парень здоров. Просто у них обменные процессы очень быстро идут. Поэтому живут мало. Два-три года всего.

– Вот уж не знала, что в вашей рыбьей науке так основательно изучают крысиный вопрос! – съязвила я, но все же подумала, что два года можно и выдержать.

Вытащив из клетки еще одного – крошечного альбиноса с оранжевыми икринками глаз, брат со вздохом сказал:

– Твоего-то сразу хотели взять, да он умудрился под холодильник улепетнуть, еле потом достал. А этот, белокурый-красноглазый, никому не приглянулся. Недоразвитый малость и пугливый какой-то...

– Почему?

– В руки долго не брали и не гладили, вот и стал, как приютский.

– А если гладить, выправится?

– Кто его знает, характер ведь в детстве закладывается... Ты им воду не забывай почаще наливать... У них температура выше человеческой, воды много пьют.

– Угу... А как их везти? В кармане, что ли? Да нет, ничего не выйдет! – спохватившись, покачала я головой. – Меня же Главный на порог с ними не пустит!

– А ты скажи, что это от шурина. В подарок. Не выкинет же!

Я выразительно хмыкнула.

– Н-да... Действительно... Ну тогда... давай разработаем операцию по внедрению!

– Шансы практически нулевые.

– Значит, будем решать проблему на теоретическом уровне. Первый этап – перевозка. Можно посадить в баночку. В полиэтиленовую. Дырок

в ней побольше сделаем, чтобы не задохнулись. Я так геккончиков из Казахстана в прошлом году друзьям привез. Только ты в самолете крышку изредка открывай. А то, если воздуха мало, они мокрые становятся, хоть выжимай!

– Может, банку лучше в чемодан положить, пока контроль не пройду? А то еще с рейса снимут, за контрабанду. У меня ведь справки из санэпидстанции нет.

– Не, нельзя. Чемоданы просвечивают. А это жесткое излучение. На живое убийственно действует. В кармане нормально будет. Не заметят.

– У меня шуба новая. Пропахнет вся. Представь себе – мадам в песцах, а от нее мокрыми крысами несет! Все шарахаться будут.

– Я тебя не узнаю, сестра! Какая шуба, когда о жизни разговор идет! А Главному ты ничего сначала не говори. Незаметно в дом пронеси и посади в большую банку или в ведро. Как обсохнут и пушистыми станут, детей позови. Пусть поглядят, в руки возьмут. А когда от радости завизжат – все, никуда уже Главный не денется!

Муж, как всегда, встречал с цветами.

– Ну что, царевна-лягушка, путешествовалась?

– Ой, осторожнее, отпусти! Ты прямо, как медведь! Раздавишь же!

– Кого, тебя? – недоуменно спросил он.

– Почему меня-то? Животных!

– Каких? – замерзающим голосом поинтересовался Главный, разомкнув кольцо рук.

– Крысят, – призналась я и вытащила из кармана банку.

- Врешь!
- Правда, – вздохнула я и хотела открыть крышку.
- Не надо. Вот целлофановый пакет. Поставь в него.
- Зачем?
- Или сейчас – в урну, или по дороге выкинешь из машины.
- Не могу. Да и брат завтра позвонит, спрашивать будет.
- Я ему скажу...
- Еще не хватало, чтобы вы из-за крыс ссорились!
- Ноги их не будет в моем доме!
- Я вообще-то есть хочу и по детям соскучилась!
- Ладно, поехали... А этих – только до дому, и в унитаз!
- Хорошо, только до дому. Не сердись, а?

Наскоро чмокнув детей – «Здравствуй, Красавица! Привет, Умник! У меня для вас сюрприз. Я сейчас! – и прямо в шубе заскочила в ванную. Слава богу, все есть – и чистое ведро, и стопка старых газет на полочке... Набросав на дно побольше бумажек, вытащила крысят из банки, обтерла носовым платком, посадила в ведро и вынесла его на кухню. – Дети, идите сюда! Вам подарки от дяди приехали!»

Дочь и сын тут же примчались и бросились к ведру.

– А хомяков или котенка нет? – после продолжительной паузы спросила Красавица. Но, наткнувшись на мое каменное лицо, с сомнением добавила: – Они миленькие, конечно... У одного глазки черные, а у другого красные. Хорошенькие, правда, папа?

Главный, закрывшись газетой, сделал вид, что с головой ушел в чтение.

Умник смотрел на крысят подольше, а потом молча ушел к себе в комнату. Но вскоре вернулся с двумя толстыми книжками.

– Цитата первая. Из всемирной истории, – полистав одну из них, объявил он. – «Войско Дария бросилось на противника с беспощадной свирепостью, как полчище голодных серых крыс...»

– Они не серые вовсе! – возмутилась я. – И попробуй вас вовремя не накормить, так вы не только противника, мать родную сожжете!

– Цитата вторая, – невозмутимо открыл Умник другой том. – «Крысы размножаются 6-8 раз в год. При благоприятных условиях самка приносит до двенадцати детенышей».

– Очень хороший бизнес, – заметила я.

– Торговать живым товаром? Ни за что! – парировал сын и подошел к холодильнику. – Интересно, что они будут есть с наибольшим аппетитом? Проведем эксперимент. Начнем с... сыра.

– Ой, мамочка! Они сыр едят! Как мы! – вдруг с радостным удивлением воскликнула дочь.

– А этот, пятнистый, полный рот набил и жует себе. Жуня настоящий! А белый свой кусок бросил и у Жуни откусывает. Вот агрессор! Немец красноглазый! Ганс! – с насмешливым прищуром наблюдая за крысятами, начал комментировать Умник. – А давайте их так и назовем – Ганс и Жуня?

Красавица скривила гримаску, но все же согласилась:

– Только я буду их купать и кормить! Может, шоколадку им дать, которую папа кунил?

– Ужас! Глаза бы мои не глядели! – бросил газету на пол Главный.
– Делайте, что хотите, кормите хоть ананасами и рябчиками, но чтоб завтра в доме и духу крысиного...

Тут, к счастью, позвонили в дверь, и Главный пошел открывать. После непродолжительного шушуканья в коридоре в кухню зашел передовой отряд: Хорошая Знакомая с дочерью, а за ними – довольно ухмыляющийся Главный.

– Мы собрались на недельку в отпуск. В Турцию, – сообщила Хорошая Знакомая. – Можно, наш котик у вас это время поживет?

Ее дочь, ровесница Умника, кокетливо стрельнула глазками в его сторону и подошла к ведру:

– Фу, смотреть противно! Наш Рысик быстро эту гадость съест!

– А я Вас нашими животными попрошу не распорядиться – не удостоив ее взглядом, ледяным тоном отчеканил Умник. И Бр-рысика вашего мы взять не можем. Правда, мама? – с нажимом в голосе спросил он.

Пряча глаза, я кивнула. Недовольные гости ушли. Главный молча сел к телевизору. А дети, включая Жуню и Гансика, были уложены спать...

С тех пор прошло полгода. Каких-то особенных изменений в нашей жизни не произошло. Разве что Хорошая Знакомая заходит «на огонек» реже. Говорит, что после посещения дома, где вольготно бегают крысы размером со свинью, у нее напрочь пропадает аппетит. Но всем давно известно, что склонность к преувеличениям – отличительная черта характера этой милой дамы. На самом деле Ганс при гостях даже носа из-под холодильника не кажет.

Бегает только Жунька. И то исключительно за мной. Словно комнатная собачонка – с ладонь величинной. Хвост, конечно, не в счет. Стоит на секунду остановиться, как он тут же заскакивает на тапок и встает на задние лапки – просит, чтобы погладили. Он обожает сидеть у меня на плече и все время что-то стрекочет-нашвистывает на ухо. Я с умным видом киваю и поддакиваю. Не могу же я признаться маленькому крысу, который понимает уже несколько десятков слов, что моя большая голова не в состоянии усвоить ни единого звука из его стрекотания. Но он не сердится на мою непонятливость, и не топает ногой, когда чем-то недоволен, и не прогоняет из кухни, намереваясь пообедать – одним словом, ведет себя гораздо воспитаннее, чем... некоторые. Не знаю, что он думает про нашу бестолковую семейку, но относится к нам, как настоящий... Язык не поворачивается сказать – человек. А по сути... Когда однажды ночью на кухне прорвало батарею, и Ганс удрал от наводнения в ванную, этот дружок примчался к нам в спальню и устроил такой вопей и беготню, что даже до меня дошло – что-то случилось!

– Посмотри на Жуню! На простого крыса! – вразумляю я то и дело Умника. – Один раз сказали «нельзя!», и ведь ни за что не будет больше грызть занавеску или катать по полу катушку с нитками! А ты?! Сколько раз говорено, чтобы не ходил по улице голоушим! И что же? Смотрю в окно – идет с товарищами, снег во всю валит, а они без шапок. Безобразия!

– Тут твоего старшего брата ругают, – в меру насмешливо, чтобы не

рассердить меня окончательно, вздыхает сын и, подхватив зверушку с пола, сажает на плечо. – Пожалей меня, брательник!

И мне до сих пор непонятно, почему меня Жунька выбрал в «собеседники», а нашим детям – встав на задние лапки – вылизывает макушки. Причем с таким же деловым и сосредоточенным видом, с каким чистит шерстку на спине у родного брата.

А Гансика мы так и не смогли приручить. Сидит, как бука, целыми днями под холодильником, а по ночам таскает туда бумажки и прочую дребедень из мусорного ведра. Приходится каждую неделю чистить его «авгиеву конюшню». Он это страшно не любит – меня-то не кусает, но с яростью набрасывается на мокрую тряпку, считая ее, видимо, своим главным врагом... Ганс усвоил только одно слово. Зато накрепко. Кто бы ни позвал: – Кушать! Гансик, кушать!

И, как дикошарый, вылетает он из своего «подвальчика», бросаясь на миску, будто на амбразуру. Естественно, содержимое частенько оказывается на полу, а миска – у него на голове. Он жутко пугается и улепетывает в свое логово. Не забывая прихватить с собой кусок побольше. Потому-то этот «белокурый-красноглазый» почти в два раза крупнее Жуньки и действительно напоминает подслеповатую карликовую свинку. Оттащить брата за хвост от блюдца с молоком или плюхнуться пузом на еду, чтобы не делиться, для него – плевое дело!

Как-то раз я дала Жуне ломтик яблока. Но, похоже, в этот момент ему пришла в голову какая-то мысль:

аккуратненько взял, положил перед собой и задумчиво уставился в угол... И тут, поводя и шмыгая носом, из-под холодильника появился Ганс. Определившись с источником запаха, он подкатился к брату, схватил яблочную дольку и мгновенно слопал.

– Ну что, прохлопал ушами? – отсмеявшись, язвительно заметила я. – Сейчас не те времена, чтобы в облаках витать! Учись у толстого: украл-сожрал, вот и вся философия. Понял? Вон, опять к тебе подбирается, все ему мало! Да будь я на твоём месте, врезала бы по мордасам!

И вдруг, откуда-то, из темных глубин памяти, словно огромная серебристая рыба... выплыло, взвихрило многолетние слои ила...

...Мы сидим за столом. Брат еще маленький, шупленький, личико узенькое, бледное, под глазами синие... Аппетита у него вечно не было, да и жили мы скудно... Но я – крупная, то ли в отцовскую родовую, то ли оттого, что «мела» все подряд: картошку, макароны, хлеб с солью, политый постным маслом... Мамы рядом нет, вышла куда-то... У нас на тарелках по котлете с картошкой. О, господи! Не камбала, не рубец, не вымя, а настоящая котлета! Редкость, чудо, что-то из ряда вон... Я глотаю ее в один присест, а брат задумчиво ковыряет вилкой картошку. Не заметно, чтобы волшебное яство вызывало у него хоть какой-то интерес. И в моей голове вызревает коварный план.

– Ты что, не хочешь котлетку? – ласково спрашиваю я.

– Хочу. Только сначала невкусное надо съесть, чтоб потом вкуснее было.

– Дай половинку!

– Не-а!

– А Ленке из четвертой квартиры книжку купили. Про морских чуд-юд! Я картинки видела. Рыбы с молотками на носу, а другие с пилой. Подкрадываются к кораблям и распиливают их. Напополам!

Брат, зачарованно слушая мои придумки, не возражает, когда я отчекрживаю полкотлеты и быстренько отправляю в рот. Но, заметив, что я тянусь за второй половиной, прикрывает тарелку руками:

– Не дам!

– А я тебя к Ленке не возьму! Мы вечером собираемся книжку вслух читать! А ты будешь дома сидеть!

– Я маме скажу!

– Попробуй только, сразу по мордасам получишь! Попрошу Ленку, чтоб никогда тебе книжку не дала. Жадина!

Брат со вздохом двигает в мою сторону тарелку:

– На...

Запоздалым стыдом полыхнуло по щекам, но тут же в голову пришла забавная мысль. А что, если именно я привела младшего братца в рыбную науку-ихтиологию – в обмен на котлету? Где-то он сейчас... в каких морях считает-пересчитывает своих золотых рыбок...

– Ладно, Жунька, иди сюда, – расчувствовавшись, позвала я. – Ты, Гансик... тоже иди... Кушать!

Скормив им по кусочку яблока, я долго гладила обоих по мягкой шер-

стке, пока под ладонью не возникло странное ощущение: молоденькая травка... пушистые парашютики одуванчиков... приглаженные волоски на детских макушках...

После ужина я рассказала домашним эту «яблочную» историю, присочинив на ходу несколько забавных подробностей. И надо было видеть, сколько радости было в эти минуты на бледном личике нашей Красавицы, и куда только подевалась угрюмоватая серьезность Умника!

И лишь Главный... Молча сел в кресло и укрылся газетой, давая понять, что эти... хвостатые... мерзкие... пучеглазые... крысы, одним словом, ему абсолютно безразличны.

Но, конечно же, я все уже поняла... Не далее как в прошлое воскресенье я нечаянно подсмотрела прелюбопытную сценку: посреди кухни на табурете восседал Главный, а у его ног, держа в передних лапках по большущему куску сыра, сидели и жевали оба крыса. Поочередно почесывая им спинки, Главный негромко ворчал: «Два чучела... Ну, один-то ничего, сойдет... А вот ты, белое безмозглое, почему у брата вечно кусок из горла вытаскиваешь? Тебя что за это, вниз головой за хвост подержать? Ведешь себя... как невоспитанная серая крыса!»

А «чучела», прикрыв от удовольствия черные и красные глазки, тихонько шевелили ушами, внимательно слушали и то ли делали вид, то ли на самом деле все понимали...

Настя Чернышева

*Учащаяся 11 класса гимназии № 1 г.Иркутска
Победитель городского конкурса на лучшее прозаическое произведение*

В НОЧЬ, КОГДА ДУЛ ВЕТЕР

Р а с с к а з

Солнце медленно уплывало за горизонт. Ветер легким дыханием неба чертил дороги в степных травах, врзался в скалы, хмурил лица озер и шумел ветвями кедров. Шорохи пугали черноглазую мышь и заставляли ее раз за разом высовывать нос в щель между досками и прислушиваться к запахам. Хотелось есть, но сквознячок пугал. Она предпочла скрыться поглубже в подполье и тем самым успокоила прыгающее каучуковым мячиком сердечко. Она слышала звуки, но не решалась войти наверх. Потом она заснула.

Я сосредоточенно копалась в ворохе трав и с каждой минутой все больше раздражалась, тогда как Дима сидел в кресле, вальяжно закинув ноги на стол, и разглагольствовал на отвлеченные темы. Наконец он снизошел и до меня:

– Не знаю, зачем ты бросила туда душистый табак, я же сказал, что это – не то... – он вскакивает со своего насиженного места, увидев, что я бессильно опустила руки и молча на него смотрю.

– Делай тогда сам, если ты все так хорошо знаешь, – я отворачиваюсь, – а то твои усилия сегодня только теоретичны...

– Ну, не сердись, извини, – он берет меня за плечи и заглядывает

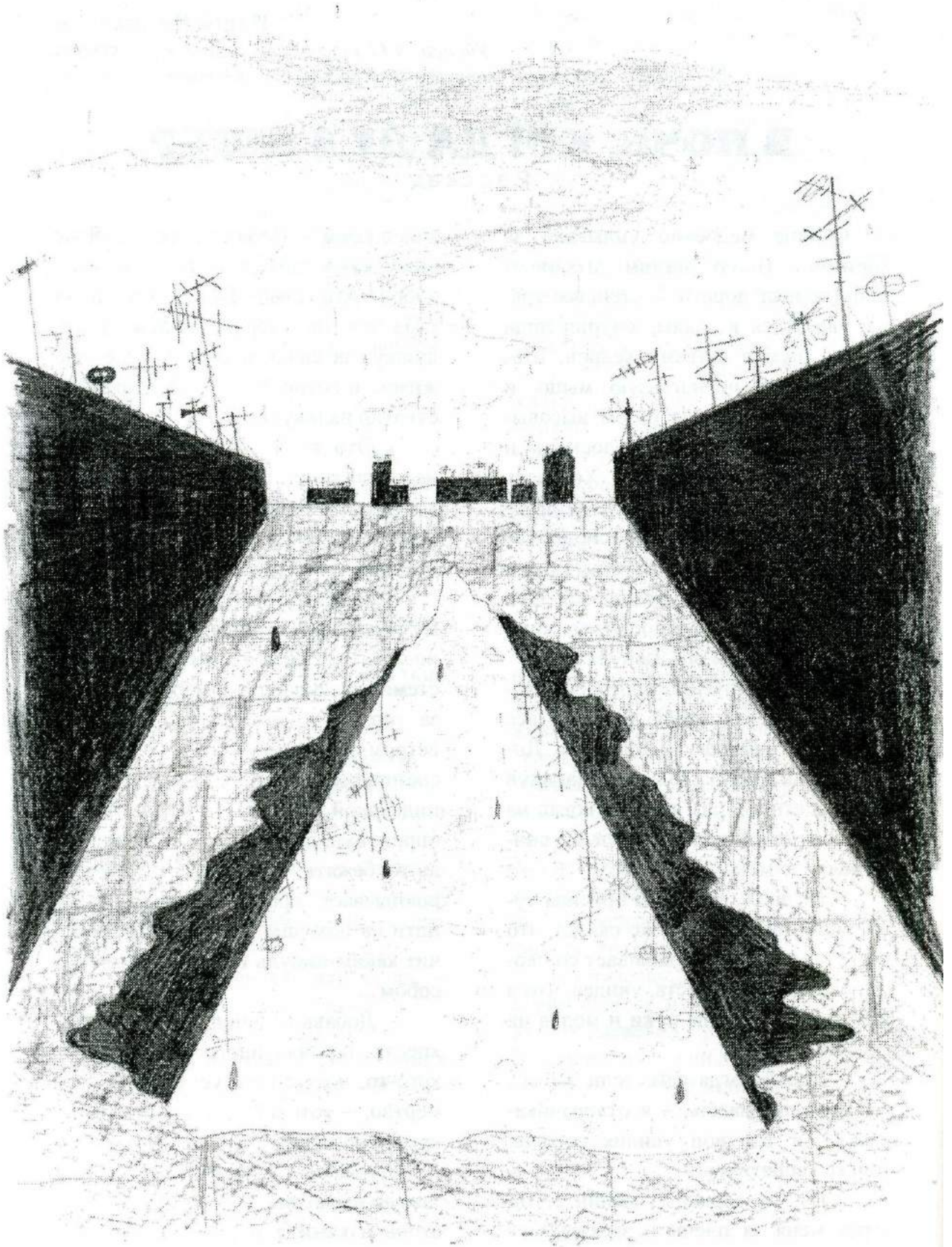
мне в глаза: – Не волнуйся, ну? Я же вижу, как у тебя руки трясутся, что с тобой? Ага, знаю! Ты зря это. Детка сердится на старого ленивого дедушку. За свою долгую и нелегкую жизнь, в которой я много повидал и схватил радикулит...

– Это ты-то старичок?! В свои недоделанные шестнадцать? – ну все, я уже смеюсь, отдаю ему на растерзание охапку трав всех сортов и цветов и выхожу на улицу.

Ветер. Ветер-шутник, фокусник, музыкант. Какого он цвета? Наверное, того же, что и звук. Уже совсем стемнело, луна еще не появилась из-за гор, хотя, возможно, ее унесло ветром. Оглядываюсь назад – там, в светящемся окне, мечется Дима в индейской повязке на голове, что-то опрокинул, смотрит на это, хочет куда-то бежать, но спотыкается и опрокидывает кресло. Похоже, пора идти на помощь, а то он себя изувечит каким-нибудь извращенным способом...

– Добавь водички, – доносится с кресла, поставленного на место, от кого-то, кто снова уселся там намертво, – готово? Так начнем же! – кресло опустело.

Я подошла к каминной полке и зажгла несколько свечей, небольшой огонь в камине и распустила скру-

ченные полоской кожи волосы. Полумрак нежно окутал вигвамообразную комнату деревянного бревенчатого домика, где мы с приятелем часто проводили уик-энды. Луна желтым глазом ночи заглянула в окно, чтобы через минуту спрятаться за шторами облаков, предоставив нам тем самым звездное небо, полное загадочных мерцаний и движения. Мы так долго изучали календари и астрономические справочники, прежде чем выбрать именно эту ночь для очередного эксперимента. Дима прошелся из угла в угол с зажженной благовонной палочкой, и мы утонули в фимиамах жасминового аромата.

Я открыла окно. Ночь, приглашенная мною, вошла в комнату и колыхнула легкие занавески, украшенные кое-где цветами, что распускаются по ночам в июле, превращая поле за нашим домом до самого леса в бледно-зеленоватый ковер. Теперь уже лучше ничего не говорить, оберегаю тишину, хотя очень хотелось спросить, не забыл ли Дима приготовить блокноты... Я молча взглянула на него и получила утвердительный кивок: все по плану. Пожалуй, пора. Я коснулась огня руками, и он не обжег меня. Тогда я уселась перед камином на колени. Дима раскрыл передо мной книгу и положил рядом яблоко. На счет гармонизации обстановки он — просто гений. Я выпрямила спину и подняла глаза к зеркалу, висевшему под необычными рисунками под странным углом у самого потолка.

— Я прошу всех, кто здесь сейчас находится, заявить о своем присут-

ствии, — произнес четким голосом Дима и бросил в камин горсть дурмана с магниевой крошкой. Огонь вспыхнул и сыпанул солнечными искрами в комнату, на внутреннюю поверхность кирпичных стенок и дальше, через трубу, осыпал звездами шифер, делая нашу крышу отражением неба. Несколько секунд мы зачарованно смотрели на все происходящее, затем ночь вокруг нас сгустилась, щелкнули настенные часы, из них вывалилась кукушка и, безвольно пискнув, свесила головку. В окно влетел мотылек и опустился мне на волосы. Я поднесла руку — он перепорхнул на нее. Пламя свечей колыхнулось волной и вновь замерло.

— Я не вижу еще троих, где они? — я вопросительно посмотрела на пламя, — духи ветра заставляют себя ждать... — в эту секунду в окно ворвался настоящий ураган, обдал нас волной свежести и далеких, незнакомых запахов. Наконец, он свернулся маленьким смерчем и обнаружил свое присутствие только двумя кленовыми листиками, кружившимися на одном месте почти у самого пола возле камина.

— Мы рады приветствовать всех вас здесь сегодня в эту чудесную ночь. Мы не виделись с вами целую луну и очень давно не летали. Довольны ли вы девушкой сегодня? — Дима провел рукой, едва касаясь моей кожи кончиками пальцев, обрисовав в воздухе воображаемый силуэт, — именно ее энергия даст нам сегодня крылья, и я позвал вас потому, что ваша помощь необходима в этом.

Вы хотите игр сегодня? – свечи моргнули и вспыхнули. – О'Кей, – Дима никак не мог оставить это забавное словечко, плотно ввевшееся в его словарный запас за год, проведенный в Штатах. Слушая это чисто американское созвучие, можно узнать, о чем думает Димка. Означать это может все, что угодно: и «да», и «нет», и «может быть», и даже «не сделаешь ли ты, ну, пожалуйста, за меня уборку?». Но это не так легко порой, да и доступно только мне. Я внимательно слушаю каждую нотку его голоса и вижу перед собой бесконечные прерии, индейцев, статую свободы и старый Йорк... Теперь уже наверняка я могла сказать, о чем он подумал, произнося «О'Кей» в очередной раз:

– Сейчас мы будем рисовать музыку для наших гостей, – что же, неплохо для начала, я люблю это делать... Дима подошел к каминной полке и, закулив сигару, снял со стены гитару. Едва он коснулся струн, как в моем воображении вырос целый легион аккордов и соло любимых нами испанских мотивов El Rio. Он дотронулся до шестой струны, и еще раз, и еще... И вихрь музыки превратил меня в вихрь танца, заставив стать испанкой с бордовой розой в волосах. Мои руки легко взлетели над головой, описав сначала полукруг, чтобы остановиться в очень красивой позиции – одна, чуть согнутая, на уровне неприкрытого длинной красной юбки пупка, вторая – над гордо поднятой головой. Волшебство танца жаркой Кастильи

Ла-Манча на желтом песке в красноватых отблесках заката на фоне золотого моря. Где-то очень далеко на камнях, тонущих в брызгах прибоя, я увидела тореро с гитарой, в такт с прибоем ударяющего по струнам все сильнее и зажигательней. Это место навевало легкие мечты, ощущение непонятого счастья, кружившего меня по расплывчатой грани воды и песка в солнечном танце. Музыка плыла над нами и дальше, над морем, в красном небе, и блуждала по песку. Рисунок, создаваемый звуками, нельзя видеть глазами, его надо лишь ощущать, отдаваясь ему без остатка и забывая обо всем. Может, я и в самом деле девушка Испании? Кто тот человек на скалах? Красный плащ соскользнул с его плеча и лег на песок. Светлые волосы падают ему на лицо, скрывая глаза, устремленные на гриф желтой гитары, вздрагивающие струны которой поют под его руками. Я подняла руки к небу и остановилась рядом с ним. Волосы упали мне на лицо и прядями скатились на плечи, складки легкого шелка затрепетали на ветру, и я взглянула в глаза, сверкающие огнем музыки того, кто создал гармонию. Это был настоящий тореадор, отважный и прекрасный. Неплохой образ подобрал себе Дима, мне нравится этот вечер. Он перестал играть и бросил к моим ногам цветы.

Но музыка не смолкла, о, нет! Она продолжала рисунок. Розы, цвета бычьей крови с полупрозрачными бархатистыми лепестками, птицами полетели мне навстречу, играя в лу-

чах солнца, и упали на песок. Часть их унесла волна, рассеивая по водной глади. Теперь уже не было ветра, и зеркало моря отражало нас в золотой поверхности... Дима подал мне руку зовущим жестом дамского угодника. В этих линиях грации сквозили любовь к жизни, отваги и бесстрашие перед смертью, которая могла настичь его в любой из дней корриды, когда жизнь – всего лишь игра в удачу. Я смело дала ему руку. Музыка играла. Мы играли. Мы знали то, чего не дано знать смертным, и верили в это. Кто мы здесь, в этом мире? Настолько реально все вокруг, когда можно бегать по горячему песку, ощущая его тепло всей ступней, и кружиться в мириадах морских брызг и говорить с ними.

Мы всегда искали смысл, вызывая тем самым насмешки. О, небо! «Я тут, – говорил, бывало, Дима, – так что же?» – и весело подмигивал мне, понимающей, в отличие от остальных, смысл произнесенного. Вот так всегда: смысл жизни в самой жизни. Иначе его просто не было бы. Но как узнать, что он есть? Все ищут и ищут, теряют веру и гибнут. Нельзя искать то, что неосязуемо, – его нужно чувствовать. Пугаясь путаных раздумий, я задаю себе вопрос; так ли я понимаю то, что пытаюсь понять? И, осознав все, что мы поняли на этот раз, мы догадываемся, что прониклись лишь малой частью того, что вообще можно понимать. Это пугает, верно? Все окружающее нас – от абстрактных бесед до обертки от сникерса кем-то создано. И этот кто-

то – человек. И он сам создан человеком, а тот – другим человеком, а кем первый? И все это вместе – жизнь. Но у всего в этом мире есть противоположность, как и у самого этого мира. Что есть противоположность Богу? Многие лета люди долго думали и гадали, объединили весь противоположный мир для простоты под именем Дьявол. Он – не сущность, так как сущность – Бог. Он ее противоположность. Нарушение системы сути прямиком приводит мир к ее местному отсутствию, которое и пугает нас как разрушительный процесс. Вообще мир, кажется, делится на полюса во всем. Добро и зло – два противоположных понятия. Любовь пересекается с ненавистью, черное с белым... Это жестоко, но это и есть то пламя, которое обжигает преступившего границу огня. Зная это, мы продолжаем ходить по острию бритвы, вести опасные беседы, сходить с ума, рушить, создавать, чувствовать себя богами. Все перед людьми – и небо и солнце, а им мало... Мы с Димой стоим сейчас у воды в чужом мире, в чужих телах, так мы ли это? Солнечный диск утонул в море, и последний луч померк. Я закрываю глаза.

- Ты спишь?
- Да.
- Но ты говоришь со мной?
- Да. Может быть.
- Я тебя не вижу.
- Я тебя тоже, но разве это что-нибудь меняет?
- Да нет...

- Все ушло?
- Ушло... Ушли.
- Они?
- Они.
- Пусто вокруг.
- Я же здесь?
- Здесь мало что есть.
- Но мы – есть?
- Дождь для нас?
- Дождь для нас.
- Он нас спасет?
- Уже спас.
- И ничего нет?
- Включи свет.
- Как?
- Открой глаза!
- Не хочу. Где ты?
- Ну, наверное, там же, где и ты...
- Не издевайся надо мной, него-
дай!
- Не обижайся.
- Мы хоть живы?
- Не знаю.

Я путаюсь понять, есть ли у меня тело. Да, есть. Я шевелю рукой, потом ногой, наконец, собравшись с силами, сажусь. Открываю глаза. День. Дима лежит недалеко от меня, а голос – как из космоса. И в очень неестественной позе. Я с трудом встаю на ноги и делаю шаг. Потом еще и еще. Прикасаюсь к волосам – роза исчезла. Резко оборачиваюсь и смеюсь – мышка, сверкая черными глазками, грызет побуревшее яблоко на шкуре у камина. Похоже, ей до меня, как до лампочки. Пахнет остатками вчерашнего жасмина и чем-то еще. Впрочем, какая разница. Увядшие цветы. Увядшие цветы,

беспорядок, погром. Я подхожу к окну и устало прислоняюсь лбом к холодному стеклу. По коже пробегают мурашки, ноги сводит от холода. Смотрю за окно – там ливень, но здесь его почему-то не слышно. Очень странно. Смотрю вниз, взгляд останавливается сначала на прожженной местами джинсовой рубашке. Потом идут мои ноги. Гитара в углу не вписывается вообще никуда. Сажусь на каминную решетку и, склонив голову на колени, обхватываю ее руками.

– Настена, Дима! Да где ж вы подевались? Родимые! Я до вас уже давно стучусь, не слышите, что ль? – баба Шура. Я шлепаю к двери, дослушивая ее тираду о том, что надо бы поленницу целлофаном накрыть, а то ливень уж больно лютый. Да уж. Лютый. Даже очень. Будто издалека я вижу, как она входит в открытую мной дверь с трехлитровой банкой молока в руках, в ярком платке на голове. Хорошая, милая, наша соседка. Она вразвалочку подходит к столу на кухне и бухает на него банку. Вместе с ней в дом входит шлейф из запахов сена и меда. – Молочка вот вам принесла! Эх, ребяташки! Молодые вы такие... Молочко-то пейте, пейте, парное. Давеча корова ночевать не пришла, так вот теперь лишку получилось, так ведь и ничего, дело-то хорошее. А чем это пахнет у вас... Ты чего такая, спала, что ли? Спите все... День на дворе, вечер скоро, а они спят...

– Спасибо, баба Шура. Как дедушка ваш?

– Хвораєт, старый, зная, недолго ему осталось. Дак, милая, ему ж восемьдесят семь уж. Поди-ко, здоровье-то поищи в годы такие. Говорит вчерась: «Я, – говорит, – уж и не знаю, – говорит, – кто тепер за лошадыю-то смотреть будет, сено косить? – И верно, некому. – Вовка-то в Питер уехал, и уж не пишет, чай, совсем позабыл...»

Тут она, увлеченная собственным рассказом, вдруг встрепенулась и огляделась вокруг:

– Что это тут у вас? Пили нешто вчерась?

– Пили, – смотрю под ноги и нагло вру. А что говорить? Испугается ведь... – Пили. День рождения.

– Ай-ай-ай, такие молодые! И пьете! То-то я ночью вроде как музыку слышала. (Я улыбнулась и подняла глаза). Ой-ай, а что ж вы яблоки накидали, да еще мыши бегают! Пшла, фу! Настена, хозяйшкa, что же ты чистоту до сих пор не навела? Стыдно ведь перед людьми-то. В чем печку испачкали? – она ловко ковырнула пальцем какую-то, видно, убежавшую суспензию вчерашнего

эксперимента, и у меня замерло сердце. – Гадость, – констатировала Шура и отерла палец о передник. Затем она вытерла еще и печку в качестве примера и вошла в комнату. Дальнейшим ее всплескам руками не было числа. Я только молча ходила за ней взад-вперед и начинала сочувствовать Димасу, который подвергся в свою очередь ее атаке и с гримасой полного недоумения каялся во всем, в чем его обвиняли.

– Да вы, баба Шура, не пугайтесь. Сейчас уберем все. Это так мы, не знаю... Вы вечером заходите к нам чай пить... С пирогом, наверное... Насть, испечешь? Испечет...

Я улыбнулась и поскорей увела растерявшуюся соседку из комнаты и отправилась с ней помочь натаскать воды.

– Дим, я на тебя надеюсь.

– О'Кей!

– Понятно, я скоро, ты начинай пока...

Он встал, закурил и, выпустив дым, уткнулся лбом в стекло. Я засмеялась и исчезла за дверью, а потом утонула в дожде.

*

*

*

КАКОЮ МЕРОЙ СЧАСТЬЕ МЕРИТЬ?..

Повесть

Серебристая пыль тихо оседала на дорогу. Где-то вдали затихало цоканье копыт. Это всегда было так. Он появлялся на миг, говорил несколько незначительных слов, от которых сладко ныло сердечко, и вновь уносился на битву, в погоню за врагами, на выручку друзьям. А она всегда смотрела ему вслед. Всегда-всегда. И она знала, что стоит ей попросить, и он останется. Но пока в мире бесчинствует горе, остаться равносильно смерти.

Разбуженная пыль вновь улеглась на свое место. Даль клубилась легким призрачным туманом, а может, это были все лишь слезы на глазах юной принцессы. Так бы и простояла она несколько часов на дороге, если бы кто-то из придворных, грубо нарушая этикет, не дернул ее за руку...

– Я же с тобой разговариваю, несносное ты существо! – раздраженное лицо мамы приблизилось к самым глазам Наты. – Уж коль к тебе обращаются, то, будь добра, отвечай. Ну, и что ты можешь сказать в оправдание?

Мама замолчала в ожидании. Ната отчаянно рылась в памяти, но никак не могла вспомнить, о чем идет речь. Что она успела натворить? Из-за плеча мамы выглянула торжествующая соседка. Ах, да... Собака!

– Это не я. Не я! Ее собака первая зарычала на меня.

– Трезор никогда без причины не злится. Ты, наверное, дернула его за ухо или за хвост, вот он и зарычал. А из-за своего баловства не нужно винить невинную собачку и кидать в нее камни, – чувствуя превосходство возраста, соседка бессовестно лгала.

– Вы же видели, видели! – в нелепой попытке оправдаться голос девочки срывался на крик со всхлипами. – Это Колька дернул Трезора за хвост и напугал на меня.

Колькину мать все боялись из-за злобного, неуправляемого характера. На Кольку никто не пойдет жаловаться. Ната взглянула в глаза соседки.

Принцесса плела венок на прекрасной поляне. Он обязательно принесет ей счастье. Цветы, сорванные в Волшебную Ночь, всегда исполняют самые сокровенные мечты. Ах, вот бы принц приехал, пусть на один денек, но приехал... Чья-то легкая тень мягко вползла на ноги Ее Высочества, но от этого стало холодно и страшно. Цепенея от предчувствия беды, принцесса медленно подняла глаза. Женщина в длинном черном плаще с капюшоном, закрывающим лицо до подбородка, стояла рядом. И молчала. Когда от давящей тишины принцесса уже была готова впасть в истерику, ведьма, ибо это была она, простерла над ее головой руку и заговорила глухим голосом:

– Ты хочешь счастья, дитя? Ты его не получишь! Ты никогда не увидишь своего принца. Никогда!

– За что? – глаза принцессы наполнились слезами. – За что?

– Ты обидела моего слугу. Ты кинула камнем в Серого Волка, собирателя душ человеческих. Я прокляну тебя и напущу погибель на твоего принца! – и ведьма захохотала, откидывая голову назад. Капюшон соскользнул вниз, открывая ее лицо. Закончив хохотать, она посмотрела прямо в глаза принцессе и схватила ее за руку...

– Ты согласна, что должна быть наказана за свое поведение? – рука соседки держала Нату за плечо.

Ведьмины глаза в упор смотрели на девочку, пытаясь взглядом вытащить дыхание жизни. Принцесса отпрянула, закрыла рукою лицо и забилась в истерике...

– Наташа, Наташенька, ты что? – мама испуганно притягивала к себе дочку, та отбивалась и кричала так громко, словно ей угрожала смертельная опасность. Мать, делая попытки погладить девочку, недоуменно-вопрошающе смотрела на соседку. Последняя, пожав плечами, сказала:

– Да она у вас истеричка! – и вышла вон.

С большим трудом девочку удалось успокоить и уложить к ночи в постель. В кровати Ната долго ворочалась с боку на бок, будоража недавние страхи, пока милосердная ночь не послала сон измученному ребенку.

А через неделю пришла пора идти в школу.

Каждый год, девять лет подряд в замок является молодая колдунья. Она шагает по лугу, и за ее следом тянется желто-красная лента, что окрашивает зелень листвы и трав в свои цвета. Колдунья долго поднимается по старой, каменной лестнице замка. Вся челядь, затаив дыхание, наблюдает за ее приближением. Все ее дальнейшие действия изучены наперед, но сердца присутствующих замирают от волнения и тревоги. Но вот лестница осталась позади, а колдунья пристально смотрит по очереди на каждого человека. Наконец, взгляд ее упирается в личико побледневшей принцессы. Палец с длинным остро отточенным ногтем едва не упирается в грудь хозяйки замка. Бескровные уста феи тьмы разжимаются, чтобы хлестануть по щекам людей одним-единственным словом:

– Ты!..

После этого колдунья разворачивается и, не говоря более ни слова, так же медленно спускается по лестнице в холл замка, а потом бредет обратно по желто-зеленому лугу, который окружают красно-зелено-листные деревья, и где-то вдали тает ее темная фигурка.

После ее ухода в замке внешне ничего не менялось. Только нет-нет, да и поймает принцесса на себе виноватые, извиняющиеся взгляды придворных. Все знали, ЧТО теперь надлежит ей делать. Она каждый день станет отправляться в соседнее королевство, где живут злобные великаны, и будет им Судьбой дарована власть мучить принцессу. А она вынуждена все претерпеть. Потому что так нужно. Каждый год принцесса добровольно отдает себя в руки истязателей. Если она хоть единожды откажется, то злобные силы покачнут ее мир, рухнет старый замок, погребая под собою всех, кто любит ее. Руины станут прахом, прах уйдет в землю, и принц не отыщет дорогу к возлюбленной. Он зачахнет в тоске. А она, всеми оставленная, должна будет вечно блуждать в мириадах звезд, заглядывать им в глаза, умолять о помощи, но даже смерть не придет облегчить ее участь. Вот по этой причине юная принцесса ходит к великанам. Почти каждый день. До тех пор, пока фея света не придет за ней. Эта фея врывалась в жизнь с птичьим гомоном, луг под ее ногами становился зеленым с разноцветными точечками цветов. Она, улыбаясь, поднимала березам склоненные головки, прикрывала принесенными шаями обнаженные деревья. И грозила тонким, почти прозрачным, пальчиком громадным великанам. Она обнимала по-дружески юную принцессу, вводила ее в старый замок, и до следующего прихода осени девочка была свободна. Но до весны еще нужно дожить...

Нату в классе не любили. Все она себе на уме, ни в чем участия не прини-

мает. Спросит учитель о чем-нибудь неожиданно, смотрит на него удивленным, глубоким взглядом, словно с трудом мысленно возвращаясь откуда-то издалека. Девчонки никогда не играли с нею, не делились секретами: ей были чужды все их сплетни и обсуждения друг друга. А для мальчишек Ната вообще не существовала: даже на Восьмое марта о ней всегда забывали. Зато никто долго не ломал голову, если в «детских забавах» требовалась жертва, мишень для острых шуток. Учителя – и те недовольно все свои замечания адресовали вечно рассеянной Наталье. Ее хроническое невнимание служило отличным поводом для чтения нотаций.

Только принцессе не было до всего этого никакого дела.

Легкие дни, кружащиеся вокруг Земли в ожидании принца, ромашковыми лепестками сползали с ладони девушки, шелестели минутками. Один день – одна минута. В году триста шестьдесят пять минут, чуть больше шести часов. И все эти шесть часов принцесса проводила у окна замка. Но полевая дорога спала полуденным сном, ни звука не слышалось в воздухе. А годы шелестели, шелестели...

Головы учеников склонились над тетрадками. Кто-то едва слышно переговаривался, кто-то сосредоточенно грыз кончик ручки. Стержни скребли белоснежные тела листочков, оставляя за собою синие царапины. Полугодовая контрольная – не повод для шуток. Одинокая муха, зимующая в темном классе, бьется в оконное стекло, нарушая рабочую тишину. Учитель тоже что-то пишет, изредка поднимая голову, обводит взглядом притихших учеников и вновь склоняется к журналу. Внезапный звонок ледяным шквалом обрушивается на класс. Некоторые вздрагивают от неожиданности. Несмотря на то, что математика сегодня – последний урок, никто не спешит покинуть кабинет. Все

торопятся дописать, дорешать: «Успеть бы...» С тихим скрипом отворяется входная дверь, пропуская в нутро класса директора с пареньком.

– А, вы все еще здесь? Хорошо! Прошу внимания! Познакомьтесь: Рустем Лесков. Рустем будет учиться в нашем классе, – и директор вышел.

Принцесса огромными глазами удивленно смотрела на всадника, въезжающего в город великанов. Породистый черный конь пританцовывал, цоккая копытами. Ухоженная шерсть блестяла под солнцем черным золотом. Всадника издали невозможно было разглядеть. Но все ближе, ближе наездник, а сердце принцессы все чаще и чаще бьется птицей в груди, вот-вот сорвет оковы плоти и вылетит навстречу. Всадник подъехал к застывшей девушке и улыбнулся. Если бы люди имели возможность умирать на вершине счастья, то принцесса уже была бы мертва. Ее принц вернулся!

– Я приехал, любимая! Теперь мы всегда будем вместе, – промолвил принц, заключая в объятия ту, что ждала его не одно столетие.

Даже великаны, суетившиеся возле них, отступили куда-то в тени домов, чтоб не мешать долгожданной встрече. Драгоценным жемчугом, тончайшим шелком оборачивали принцессу речи возлюбленного. Мимо проносились годы, века, а встретившимся все не хватало времени, чтобы высказать все накопившиеся слова любви и нежности. Легкий ветерок с недалекого моря играл с волосами принцессы и что-то нашептывал ей в самое ухо, но за словами принца его певучие звуки не становились фразами. Ветер усиливался с каждой секундой и через минуту стал штормовым. Тут уж его шепот, усилившийся до крика, проник в мозг девушки звоном битого стекла.

– Кудряшова...

– Кудряшова, очнись! Что ты уставилась в стену? Сдавай контрольную, – голос учителя, полный раздражения, метался по опустевшему классу. Все ученики уже ушли, а ЭТА сидит и, глупо улыбаясь, смотрит на стену!

С трудом стряхнув с себя оцепенение, Ната поднялась из-за парты, подала учителю исчерканный лист бумаги и поплелась прочь. Учитель проводил ее взглядом, сокрушенно покачал головой: «Дотянуть бы ее до десятого...»

Придворные сбились с ног, готовя принцессу на бал. Она сама много волновалась и много суетилась. А как же! Ведь это Ее принц устраивал прием в честь своего возвращения, и она должна быть самой-самой, лучше всех. Призрачные заморские ткани нескончаемой вереницей проносили перед ее глазами, блестящими светлячками рассыпали драгоценности. Сотни пар обуви перемеряли на изящные ножки. Все не то. Едва-едва угодили принцессе.

Новогодний бал-маскарад... Дань детству. Костюмы, маски, очки – как много всего нужно успеть сделать! Но зато какое наслаждение, оставив все заботы в стороне, облачиться в сказочный наряд и закружиться в фейерверке праздничных танцев.

В этом году девятиклассники праздновали не на «малышовом» утреннике в обед, а со старшими, вечером. Ната в «дежурном» костюме цыганки сидела на стуле у стены. Каждая клеточка ее естества была напряжена до предела. При малейшем звуке открываемой двери она поворачивалась в сторону входа и напряженно вглядывалась в лица вошедших. Казалось, она кого-то ждет и боится, что этот некто не придет. Дверь в очередной раз впустила в зал клубы мороза. В его мареве проявились три фигуры. Пришедшие присоединились к небольшому кружку парней, образовавшемуся у буфета. Ната приросла

к своему стулу и лишь глаза ее блуждали по полутемному залу...

...за принцем...

Рустема ребята приняли хорошо, завалили расспросами: кто такой, откуда, почему переехали. Сами рассказали о себе, о школе. Это неправда, что только девчонки любят посплетничать. Мальчишки тоже это любят и умеют. Они с удовольствием перемыли все косточки своим «классным дамам».

– Вот эта знаешь какая? – или – А вон та... – тыкали мальчишки пальцами или кивали головой в сторону девятиклассниц и тут же все известное выплескивали на Рустема. И лишь про Нату все сведения уместились в одну фразу:

– Странная она какая-то, заторможенная...

Дрогнули струны в руках музыкантов, величественно поплыла музыка, зовя за собою в мир танца. Закружились птицами платья дам. Принц танцевал то с одной, то с другой леди. Он что-то шептал своим спутницам на ушко, отчего последние, стыдливо прикрываясь веерами, радостно улыбались. Только принцесса грустила. Беспокойной ласточкой ревность металась по сердцу, по глазам. Лишь губы неслышной молитвой шептали:

– *Это он из вежливости. Это он этикет соблюдает: сначала развеселить гостей, а уж потом развлекаться самому.*

Тени танцующих скользили по стенам в паутинках света свечей и собирались на изукрашенном потолке. Этот туман окутывал принцессу, не давая дышать. Все реже и реже воздух проникал в легкие, кружилась голова, и земля куда-то уплывала из-под ног. В следующее мгновение принцесса упала бы в обморок, если бы...

Рустем подошел и к Нате. Помня о данной ей характеристике, он с любопытством заглянул в ее глаза:

- Ты танцуешь?
- Да, – прошептала девушка.

Вальс кружил принца и принцессу, столетия летели мимо, уплывали куда-то все невзгоды. Годы одиночества искупались этим скольжением над паркетом. И ничто больше в мире не существовало...

Ната несколько раз наступила партнеру на ногу, сбилась с ритма, но даже не заметила этого. Чему-то улыбаясь, она прикрывала глаза, пребывая в своих грезах. А когда поднимала ресницы и смотрела на Рустема, его кидало в жар. Он дружил с несколькими девчонками, с двумя даже целовался, но никто не смотрел на него вот так. Из глубины серебристо-серых глаз выплескивалась огромной волной нежность. Какая-то непостижимая загадка бытия, ведомая этой девушке, делала ее взгляд мягким, обволакивающим. Из зрачков детских глаз на Рустема глядела зрелая женщина со взрослыми чувствами, и это будоражило его душу.

Они, Рустем и Ната, долго болтали на крыльце школы. Раз по разу парень вопросительно смотрел девушке в лицо и успокаивался, найдя в ее глазах все тоже восхищение собой. Он проводил ее домой и, прощаясь у подъезда, спросил:

- Можно, я буду с тобой дружить?

Изумление захлестнуло серые глаза:

- А как же иначе? – пожимая плечами, Ната исчезла за дверью.

Ожил старый замок. Среди зимы неожиданно нагрянуло лето. Зазеленел луг, распустились цветы, щедро напавшая неземным ароматом окрест. Почти каждый день в замок приезжал принц. Принцесса брала из его рук повод черного коня, отводя последнего в конюшню, где собственноручно привязывала жеребца к стойлу и щедро угощала овсом. Потом возвращалась в тронный зал и уводила возлюбленного в трапезную.

Горели свечи, тяжело роняя на каменный пол восковые слезы. Дубовый стол, покрытый праздничной скатертью, был невелик, поэтому они сидели рядом. Всех слуг принцесса усылала из трапезной: ей доставляло удовольствие самой ухаживать за дорогим гостем. Мирно потрескивали дрова в камине, принц тихим голосом что-то рассказывал, а девушка слушала, боясь пропустить хотя бы одну-единственную фразу. Возлюбленный повествовал о битвах, о подвигах, о славе, что брела за ним по белу свету. Слова его речи сливались в прекрасную музыку, тешащую слух принцессы. Иногда принц брал ее на прогулки, и тогда черный конь резал своими боками летящий навстречу ветер, который из-за этого падал уставшими хлопьями позади копыт стремительного жеребца. Не было на свете преграды, способной удержать резвого скакуна. Верста за верстой наматывались на развевающуюся гриву четвероногого красавца. Только его странное имя не нравилось принцессе – «Юпитер» – и она называла его «Теро». Скользя по времени, девушка не замечала, как подкрадывалась ночь, которая уводила с собой принца до следующего вечера. Почему вечера? Днем девушка продолжала ходить в город великанов. И пусть теперь там был принц, но им нельзя показывать, что они знакомы. Великаны глупы, видели их встречу и тут же забыли. Но злобные силы не спят и могут разлучить двоих встретившихся: им (силам) ненавистно счастье окружающих. Поэтому принц и принцесса не общались между собой в стране великанов.

Зато вечер всегда давал девушке надежду на встречу. Поджидая возлюбленного, она занималась рукоделием, вся превратившись в слух, чтобы при первом цокании копыт броситься к нему, единственному. Но как она ни прислушивалась, ей никогда не удавалось услышать, как он подъезжает к замку.

Белошерстным, дареным щенком метался по замку звук дверного звонка, заливисто лаял, покусывая за кончики пальцев и тянул за подол платья, словно торопя:

– Иди, встречай, приехал!..

Отмахиваясь от назойливого лая звонка, Ната кидалась со всех ног в прихожую, чтобы впустить Рустема. Вместе они выходили на улицу, иногда катались на его мотоцикле по тихим улочкам, иногда ходили в кафе поесть мороженого, а иногда просто оставались в доме девушки чаевничать. Только все чаще Рустем умолкал на полуслове, теряя нить разговора, все чаще во время прогулок его взгляд уходил в сторону от Наты. Долгожданная весна не приносила ему радости. За четыре месяца ему уже надоела эта девушка, вечно смотрящая вглубь себя. Ее оторванность от мира все больше и больше раздражала юношу. Вот только никак не находилось причины для разрыва отношений, а так, просто, он не мог. И только Ната пребывала в своем безбрежном счастье. «Блажен в неведеньи счастливый!..».

В тихой аллейке густого сада, где дышится легко и свободно, стоит ажурная беседка. Она увита плющом, и розовые кусты просовывают свои любопытные головки-бутоны сквозь прутья серебряных стенок внутрь. Сюда любит приходить со своим возлюбленным принцесса. Она часами может сидеть здесь, очарованно слушая своего спутника. Недалекий фонтан вплетал свое журчание в неторопливую речь принца. Тишина, покой, благодать. Вдруг... к беседке подошли пять великанов. Великаны на земле принцессы? Этого не может быть! Но это было так. Мало того, они даже имели наглость делать едкие замечания в адрес хозяйки старого замка. Голубые глаза принцессы с удивлением смотрели на

непрошенных гостей. Только на этот раз ее сердце не сжалось в малюсенькую точку, пытаясь уберечься от боли. Рядом – ее принц, и он защитит от всех невзгод. В ожидании смелых речей возлюбленного, от которых задрожит гневом земля и обидчики поспешино покинут этот чудесный сад, тело девушки расслабилось, словно под поцелуями, и сладкая нега мягко окутала ее естество. Вот сейчас, сейчас уродливые лица великанов перекосят гримаса страха, который согнет их тела в бессильной злобе. Но чаяния принцессы не спешили становиться правдой. Напротив, великаны ехидно улыбались на ядовитые насмешки... принца?! Девушка в упор посмотрела на возлюбленного. Да, он поддерживал речи обидчиков, твердил, что он здесь случайно оказался и не имеет никакого отношения к принцессе. Слезы предательски заблестели в голубых бездонных глазах девушки. Вся природа застыла от неожиданного, неизмеримого горя своей хозяйки. Лишь равнодушное солнце клонилось к горизонту, брезгливо убирая свои розовые пальцы с лица земли. В голове принцессы назойливой мухой билась одна и та же полузабытая фраза:

– И еще до восхода солнца ты трижды отречешься от меня... И еще до восхода солнца ты трижды отречешься от меня... до восхода солнца... до восхода солнца... отречешься от меня... от меня...

И с каждым повтором этой фразы лицо принца удлинялось, натягивая кожу на скулах, пока она не лопнула от перенапряжения. Лоскутки кожи серыми листьями падали вниз, обнажая звериную морду. Нет, нет, это был не принц. Только сейчас принцесса поняла, что ЭТО никак не могло быть принцем. Принц не знал о городе великанов. А если бы и проведал о мучениях принцессы в этом страшном месте, то, пробиваясь к ней с тяжким боем, навсегда бы увез ее в родовой замок и не позволил бы

больше ходить к великанам. Да это было бы и не нужно. С его возвращением чары юной колдуньи потеряли бы силу. Нет, это – не принц. Это – один из тех, кого называют «злой силой». Он надел на себя личину принца и явился, чтобы сильнее мучить беззащитную душу девушки. Принцесса молча встала, взглянула в последний раз на звериный оскал своего спутника и, повернувшись к своим мучителям спиной, величественно направилась к замку. Она будет ждать СВОЕГО принца. Настоящего...

То, что Ната ушла, не сказав ни слова, очень удивило Рустема. У него на душе остался гаденький осадок от того, что он в присутствии девушки ее же хаял. Усмехаясь, чтобы скрыть внутреннюю неловкость, он поднялся со скамьи и пошел с мальчишками, даже не спрашивая куда. Потом несколько дней Рустем пытался застать Нату одну, чтобы хоть как-то обелиться в ее глазах. Но это было пустое занятие. Если юноше и удавалось иногда увидеться с девушкой наедине, то уж разговор у них все равно не получался. Как только Рустем открывал рот, серые глаза той, что совсем недавно его обожала, становились холодными, блистали сталью и выражали такое неприкрытое отвращение, точно видели мерзкое существо, неведомо откуда взявшееся. Наталкиваясь на стену презрения, Рустем уходил, так ничего и не сказав. Прошло еще несколько дней, и юноша перестал искать встреч с Натой. Только обходил десятой дорогой эту странную девушку.

И вновь дни тянулись бесконечно, сменяя друг друга в скором беге. Юлой вертелись вокруг Земли День и Ночь. Не успела Ната оглянуться, как еще один год помаячил-помаячил и исчез в серой дымке прошлого.

Это был один из тех серых, дождливых дней, что оплакивают умирающую осень. Легкая пелена тумана паутиной завесила все высокие окна трон-

ного зала. Принцесса сидела у подножия трона и грустила. Слуги куда-то ушли, и тишина изредка всхлипывала каплями усиливающегося дождя. Внезапно двери распахнулись с глухим стуком, и в зал ввалилась толпа людей...

Соседки со скорбными лицами заполнили тесную комнатку Наты. Они заглядывали в глаза девушки с какой-то необъяснимой жалостью, поглаживали ее руки. Наконец одна из них не выдержала и запричитала:

– Сиротинушка ты разнесчастная, – и все пришедшие залились слезами. Только Ната взирала на мелькавшие в суете чужие лица с недоумением и удивлением. В дверь тяжелой поступью вошла пышнотелая женщина. Задыхаясь от одышки, неудивительной при ее комплекции, она двигалась к девушке, забившейся от страха за то, что случилось нечто непоправимое, в угол. Женщина прижала Нату к себе и глухим, едва слышным голосом, неприятно горячо дыша в ухо, прошептала:

– Наташенька, горе-то у нас какое... Мама твоя умерла, – и теткины слезы закапали на шею девушки.

– Мама умерла, – принцесса обвела пустыми глазами тронный зал, и тьма мягко обволокла ее тело...

Заботливый мозг, сохраняясь, отключился, и Ната упала в обморок. Обмякшую, ее уложили в постель. Соседки захлопотали над бесчувственным телом. Тетя Нина уехала в морг без племянницы.

...Бледная, как призрак, Ната слонялась по комнате, раз по разу натыкаясь на старух с заплаканными глазами. Время по капле сочилось сквозь пальцы, тяжелым свинцом падая на сердце.

В очередной раз глухо заворчала дверь, впуская людей. Они нечто внесли, положили на широкую лавку, устланную скатертью, и вышли. Тетка подвела Нату к лавке:

– Я привезла твою маму.

Девушка со страхом, заглянула в лицо лежащей.

Принцесса вздохнула с облегчением и слегка улыбнулась. Умершая не была ее мамой. Нет, это была ее няня. Эта женщина всегда жила в старом замке. Она нянчила принцессу, как могла, ухаживала за нею. Правда, няня чаще отсутствовала, чем была в замке. Еще молодая женщина, она пыталась устроить свою жизнь. Изредка какой-нибудь мужчина маячил на ее горизонте, но потом неизменно исчезал в никуда. Нет, это – не ее мама. Мама была прекрасной феей и скользила по свету, помогая людям в беде. Лишь однажды принцесса видела ее...

В этот далекий зимний день мороз вовсю злился на землю. Сжимая свои железные объятия все крепче и крепче, он дышал холодом на все живые существа. Ната прибежала из библиотеки, где засиделась допоздна. Нет, не то, чтобы она любила читать, но шелестящие страницы книг уводили ее в мир сладких грез. Поэтому десятилетняя девочка могла провести возле книжных полок несколько часов за выбором одной-двух книг. Наконец-то вырвавшись из чарующего мира, намерзшись в автобусе, Ната, стоя перед дверью, переступала с одной застывшей ноги на другую, задубевшими от холода пальцами отыскивая в карманах пальто ключ. Обшарив все закоулочки одежды по нескольку раз и поняв, что он потерян, девочка заплакала.

Принцесса недоуменно взглянула на большие замковые двери, для верности еще несколько раз подергала серебряную ручку – бесполезно, замок закрыт. Ее Высочество сошла вниз по мраморным ступеням и присела на скамеечку ожидать слуг...

Шла по ночным улицам женщина. Уставшие ноги ее торопились донести замерзшее тело до теплой квартиры.

Женщина шла едва не бегом, только под сапожками осколками стекла хрустели смерзшиеся снежинки. Звонящий ветер резал ее лицо до шемящей боли, забивал уши своим гудением. Женщина спешила домой, ничего не видя и не слыша. Внезапно до ее сознания сквозь морозное оцепенение проникло едва слышное всхлипывание, перемежаемое минутными перерывами тишины. «Щенок, что ли, какой или котенок?» – подумала женщина и остановилась, прислушиваясь. Жалобное поскуливание послышалось вновь. «Это где-то рядом», – решила она и неосознанно двинулась на звук. Вскоре, на скамеечке у жилого дома, женщина увидела сжавшуюся от холода в комочек маленькую девочку. Та тихонько всхлипывала. Ресницы, смерзшиеся от слез, были полузакрыты, а маленькое личико казалось жестяным от мороза. Женщина приложила свои ладони к глазам ребенка, закрыв заодно и серые щечки. Отогрев немного девочку, она спросила:

– Где ты живешь? – и едва-едва различила:

– Я ключи потеряла. Мамы нет дома.

Не медля ни минуты, женщина схватила еле живое существо на руки и потащила к себе домой. Ей было очень тяжело, но, благо, родной подъезд был рядом. Дома, раздев девочку, женщина стала растирать озябшее тело, руки, ноги, и сердце ее радовалось от того, что дитя начало розоветь и приходить в себя. Потом, завернув найденыша в свой теплый халат, женщина развешала белье девочки сушиться и греться по батареям. На кухне закипел чайник, забулькал подогреваемый борщ. Долго сидели на кухне, ели, пили чай с вареньем. Сладко жмурясь от тепла, размягчившего тело, девочка спросила:

– А как тебя зовут?

Женщина улыбнулась:

– Мария.

Легкая, розоватой дымкой, фея погладила принцессу по золотистой го-

ловке. Потом взяла за руку и повела осматривать дворец. Он был маленький, но полон всевозможных чудес: говорящая птица играла с колокольчиком, кричала проходившим: «Привет! Как дела?»; рыба с выпученными глазами удивленно моргала бесцветными веками; черепаха прятала в панцирь маленькую, беззащитную голову; лимонного цвета птичка выпевала замысловатые мелодии. На часах дрогнули стрелки, из дверцы над циферблатом выскочила кукушка и отсчитала десять часов. Фея улыбнулась, вновь приласкала золотые волосы принцессы и нарядила ее в теплую шубу. Потом они вдвоем шли через снежную тургу к старому замку. Перед дверью фея наклонилась и поцеловала девочку, а уже после этого постучала в тяжелые двери...

Передавая Нату ее маме, женщина пожурела последнюю за такую беспечность: как же можно оставлять без присмотра малышку? На что мама довольно резко ответила:

– Не ваше дело указывать мне мои обязанности. А ты, – обратилась она к дочери, – будешь наказана за то, что заставила меня волноваться.

Няня схватила принцессу за руку и потащила вглубь коридора. Но девочка успела оглянуться. В уменьшающуюся щель закрываемой двери на нее смотрели сожалеющие, но такие ласковые глаза мамы-феи. Принцесса понимала, что им нельзя видеться из-за злобных сил, которые могут навредить им обоим. Она также понимала, что никогда больше не суждено ей увидеть маму. Но девочка не плакала, бредя по коридору вслед за няней... почти не плакала, старалась не плакать.

Ната наклонилась над телом, приближая свои глаза к застывшему лицу, чтобы лучше его разглядеть. Прядь волос тянулась со лба мертвой через все лицо, уродливым шрамом пересекая

правое веко, нос и левую щеку. Ната убрала ее, чтоб не мешала видеть.

Сомнений не было. Это – няня. У принцессы камень свалился с души. Она облегченно улыбнулась и вопрошающе посмотрела на так зло пошутивших гостей...

Старухи, да и тетя Нина, уже давно застыли от ужаса, наблюдая за действиями сиротки. Она рассеянно водила пальцем по руке покойницы, сохраняя на лице удовлетворенный покой, словно нечто вспоминая, потом резким движением смахнула с умершей волос, спадавший со лба. Наконец, повернувшись к сидящим, девушка улыбнулась так, будто ждала объяснения в чем-то.

Какая-то из соседок прошептала:

– Да она рехнулась с горя...

Доктор долго беседовал с Натой. Она, подкупленная его мягкой улыбкой, рассказывала ему о своем мире, про который раньше никому не говорила. И грезилось ей, что это не просто доктор, а замковый лекарь и что его прислал далекий принц присматривать за нею, а сам он скоро приедет навсегда. От этого речь девушки радостным ручейком журчала в белоснежной тишине врачебного кабинета. Потом Нату выслали в коридор, а доктор начал разговор с ее тетей. Из-за закрытой двери слышались приглушенные голоса. Время от времени голос тетки плачуще восклицал:

– Надо же случиться такому несчастью: у сестры – инфаркт, у племянницы – сумасшествие.

Ната, обхватив руками поджатые к груди коленки, медленно раскачивалась на стуле взад-вперед, едва прислушиваясь к неразличимому разговору за дверями врачебного кабинета. Внезапно до ушей Наты донеслось слово «отец», и память унесла ее в прошлое.

...Они гуляли по парку: отец, Наташа и Вектор, маленький щенок, будущая овчарка. Вектор важно вышагивал, ведомый девочкой на поводке.

Своими лапками он уже цепко держал сердце маленькой хозяйки: Ната очень любила его, очень-очень. Но папу она все-таки любила сильнее. Девочка посмотрела на отца, тот улыбнулся ей в ответ и легонечко погладил русые, коротко остриженные волосы. Он обожал свою семилетнюю дочурку. Лето еще только началось, а он уже все приобрел к школе: как-никак, его любимица пойдет в первый класс. Ната хитро прищурила свои серые глазки:

– Мальчик мороженое ест... – она сегодня съела две порции, но ей хотелось еще.

– Где? – папа притворился, что не видит.

Конечно, он не в силах ни в чем отказать своей повелительнице, но любил розыгрыши.

– Ну, вон же, папа, – нетерпеливо притопнула ножкой Наташа, – видишь? Он, наверное, теперь заболит, да? Не понимаю, как можно есть холодное мороженое, если на улице еще не жарко? Мальчик плохо поступает?

Папа, пряча улыбку в уголках губ, спросил:

– А тебе купить мороженое?

Дочка сделала серьезное лицо:

– Но ведь на улице прохладно и можно заболеть... Папа, а если откусывать маленькими-маленькими кусочками, то ведь и не обязательно простужаться и заболеть?

Отец расхохотался, сгреб дочь в охапку и крепко прижал к себе. Потом они втроем пошли к киоску. Тот был на автобусной остановке. Папа сказал:

– Ну ладно, съешь негорюпась мороженое и поедем домой. Мы уже долго гуляем, мама будет волноваться. Да и Вектор устал.

Они сели на лавочку, щенок лег у ног маленькой хозяйки и прикрыл глаза. То и дело подъезжали автобусы, и так же периодически люди то наполняли, то освобождали остановку. Какая-то женщина с большим серебристым догом

остановилась почти рядом с Наташей. Папа в это время отошел купить газету. Дог обнюхал Вектора, Наташины ноги, вновь Вектора и неожиданно громко залаял. Ната вздрогнула, уронила недоеденное мороженое и поводок щенка. Завизжав от страха, Вектор кинулся бежать... прямо через автомобильную трассу. Девочка ринулась за ним. Зарычали от боли машины, резиновыми лапами царапая асфальт. От лая автомобильных гудков Вектор ошалело петлял под колесами. Ната повернула голову вправо и, увидав небесного цвета машину, резко остановилась. Секунды превратились в минуты. Автомобиль медленно приближался в полнейшей тишине, притиснулся колесом к боку Вектора, играя им как мячиком, перебросил щенка другому своему колесу. Алая полоса расплывалась в лужицу. А Ната все смотрела, смотрела, не в силах выйти из оцепенения. Очнулась она от окрика папы, голос которого в ту же секунду резко оборвался, сменяясь отчаянным визгом очередных шин. Девочка резко обернулась и стеклянными глазами увидела ноги отца, исчезающие под тормозящей машиной. Дальше – внезапная ночь опустила свой занавес на глаза Наташи.

Пришла в себя она уже дома. «Услужливая» память поспешила напомнить все происшедшее до мельчайших подробностей. На отчаянный крик девочки в комнату вбежала мама и тетя. Они напоили Нату успокоительным и сидели рядом, пока не заснула.

И снился девочке сон. Ночь, осыпанная мириадами звезд. А Наташа шла по ним и кликала папу. И слышала его «ауканье» где-то в глубине ночи. Она села и заплакала от тоски и одиночества. Откуда-то прибежал Вектор и облизал руки и лицо, радостно виляя хвостом. Потом подошел папа, взял малышку на руки и, успокаивая, начал баюкать. Спящую, отнес на большой зеленый луг, посреди которого стоял

старый замок. Отец ласково разбудил дочь и сказал:

– Смотри, ты – принцесса, а это – твой замок. Я дарю его тебе.

– Папа, а ты разве не умер?

– Нет, милая. Я просто теперь всегда буду жить здесь. А ты будешь меня навещать, правда?

Радостно улыбаясь, маленькая принцесса закивала головой в знак согласия. Отец показал ей замок, парк, представил слугам, а потом долго гулял по парку со счастливой дочерью...

На похороны Натy не взяли, чтобы не травмировать. На ее рассказы о замке сначала снисходительно улыбались, дескать, пусть дитя тешит себя придуманной сказкой. Потом, раздраженно, велели ей молчать и не говорить всякий вздор. Ната перестала рассказывать, но из замка не ушла. Все чаще и чаще навещаясь в него, она однажды осталась в нем навсегда. Через несколько лет, когда Вектор вырос во взрослую собаку, отец попрощался со своей маленькой принцессой и уехал, держа в поводу овчарку, охранять границу. С тех пор он ни разу не возвращался.

Еще через несколько лет, которые принцесса провела в одиночестве, окруженная лишь слугами, с горизонта примчался всадник. Прекрасный принц заглянул в ее глаза и похитил ее сердце. Но он не мог пока еще оставаться с нею навсегда. Временами приезжая на свидание, принц вновь уносился вдаль. А принцесса все ждала, ждала его, помня наказ:

– Когда осень стряхнет одежду с деревьев, а птицы с плачем улетят на чужбину, в твоём замке поселятся призраки – это первый знак. Когда незнакомый юноша подарит тебе розу – это второй знак. И, наконец, когда Земля огненными руками обнимет небо – это третий знак. Вслед за тем я вернусь навсегда и для тебя, моя звездочка, зазвонят свадебные колокола!

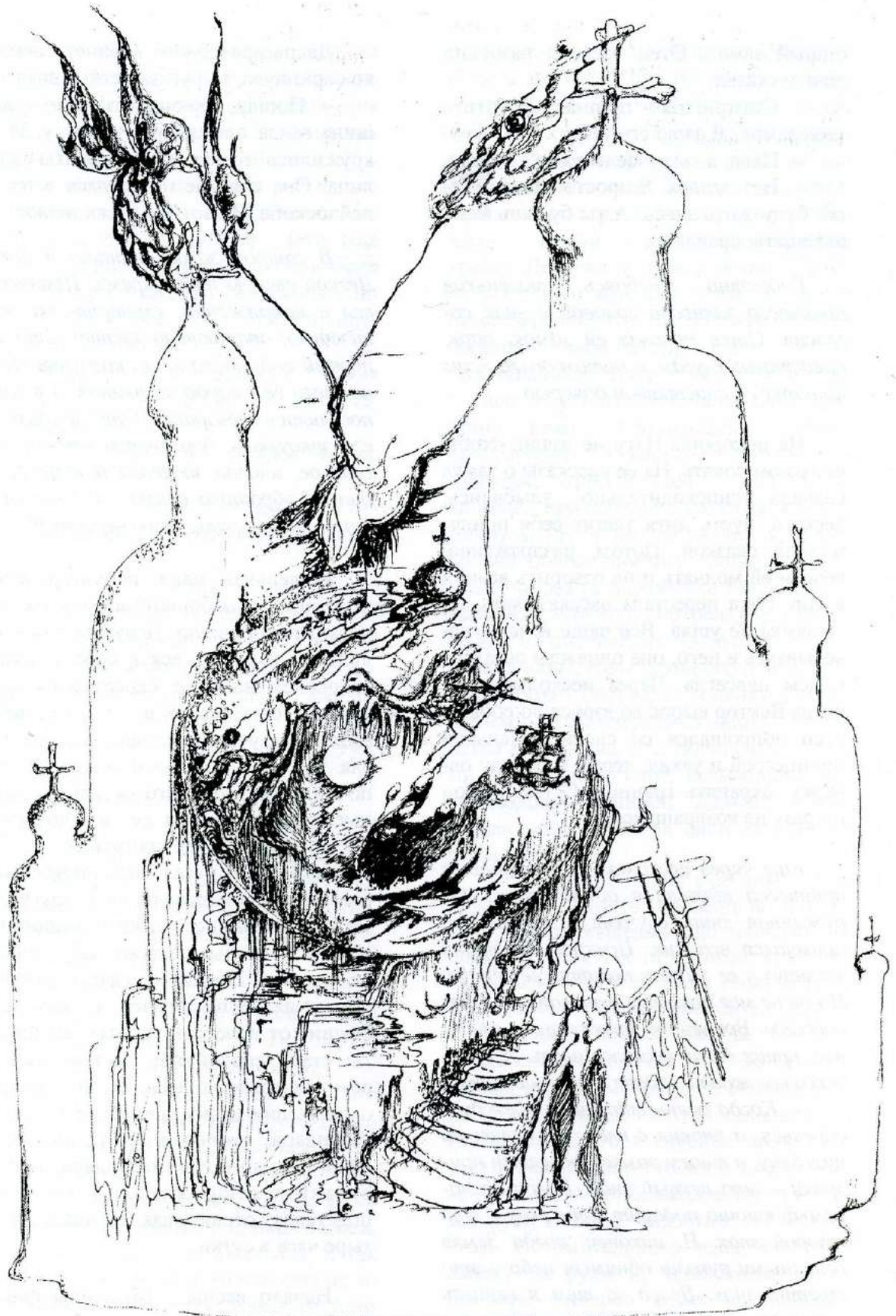
Дверь врачебного кабинета легонько скрипнула, выпуская тетю и врача.

– Пошли, горюшко ты мое, – женщина взяла племянницу за руку. И закружились перед взором Натy лица, лица. Она едва не потерялась в их калейдоскопе. Но вот все остановилось.

В старом замке тишина и покой. Легкой свечою тает время. Принцесса, вся в напряжении, смотрит на желтеющую, опадающую листву. Это был первый год, когда юная колдунья Осень не увела ее в город великанов. А в замке поселились призраки! Они бродили по его закоулкам, бормотали что-то бессвязное, иногда задевали принцессу, но она не обращала внимания. Что ей до того, когда принц скоро вернется?!

Маленькая няня психиатрической лечебницы с любопытством смотрела на новую подопечную. Девушка тихо бродила по комнате, вся в себе, с умиротворением на лице, скрестив на груди руки и уставившись в окно, она могла стоять так часами, словно кого-то ожидая. Весь вид новенькой выражал такой покой и благодать, что остальные больные, словно уважая ее самопогруженность, старались не трогать ее. А «Екатерина II» и «Святая Магдалина», которые вечно доказывали друг другу, кто же из них важнее, даже объединились для того, чтобы охранять «Принцессу» от прочих. Печаль в глазах девушки размягчала души врачей и нянь, огрубевшие от нелегкой работы. Жизнь Натy стала спокойным, застывшим озером: ничто не колыхнется, все замерло, и лишь дни своим шелестом раздевали календари, утоньшая их талии. Потом люди купили новые календари, и вновь бумажные птицы слетали с картонных подставок, отсчитывая по двадцать четыре часа в сутки.

Начало весны... Мужчины спешат по бесконечным улицам с букетами в руках, торопятся поздравить своих

женщин. Юрик – не исключение, он тоже подарил Таньке букет. И не каких-то там стандартных тюльпанов, не-ет. Его «предки» что-то нынче расщедрились и отвалили ему приятную сумму на праздничные расходы. А что, здорово! У Таньки сразу глаза стали квадратными, когда он протянул ей пять ярких роз. А потом: кафе, кино – благодать. Юрик ощущал себя королем, покровительствующим безвестной девочке с улицы. Он гордо смотрел на Таньку. А она, смущенная, как в первый день их встречи, шла, опустив длинные ресницы. Ее каштановые волосы выбились из-под шапки и, цепляясь за воротник шубы, лихими наездниками подсказывали при каждом новом порыве ветра. Танька этого не замечала. Так и бродили они: Юрик с высокомерным видом и девушка с букетом роз. Неспешная дорога, петляя по каменным лабиринтам города, вдруг раскололась на две половины под острым углом серого дома. Танька даже не сразу поняла где находится. Юрик снисходительно усмехнулся и пояснил:

– Да психушка это, что, не видишь?

В предвечерней мгле дом хищно щетинился решетками на освещенных окнах. У раскрытого коридорного окна на втором этаже маячил силуэт девушки. Повинуясь своему неосознанному желанию, Танька подошла к ней поближе. Больная, скрестив руки на груди, всматривалась вдаль. Нечаянно ее взгляд соскользнул с линии горизонта и, словно бы ощупывая невидимыми щупальцами, забегал по лицу Юрика и остановился на руках Таньки:

– Ты принес мне розу от принца? – задрожал в морозном воздухе тонкий голосок.

Танька, от чего-то шепотом, задумчиво сказала:

– А ее, наверно, никто и не поздравил...

Юрик засмеялся:

– Тоже скажешь... Чего ее-то с женским днем поздравлять? Живет как животное...

– Не смей! – Танька сердито прикрикнула на своего спутника. – Не смей, она же не виновата, что такой уродилась. Слышишь, она просит розу, – тут голос девушки стал просящим. – Тебе что, жалко? Кинь ей одну.

– Да мне-то что? – Юрик пожал плечами и, взяв у Таньки один цветок, подошел поближе. – Эй, дурочка, лови!

Это был посланец принца. Его серебристый плащ развевался по ветру, а в руках пламенела роза – залог любви принца.

– Ты принес мне розу? – спросила принцесса.

Посланец поклонился, произнес длинную церемониальную речь и подошел под раскрытое окно старого замка. Трижды он подбрасывал розу, и трижды цветок, поцеловав лепестками пальцы принцессы, соскальзывал вниз. Лишь на четвертый раз руки принцессы сумели ухватить тоненькое тельце, которое больно укололо ее. Но это – ничто, ведь скоро, очень скоро, ее принц вернется к ней...

Юрик, исколов все пальцы, наконец-то зашвырнул злосчастный цветок в руки девушки. Та, поймав розу, прижала ее к груди, счастливо улыбнулась и вдруг, словно испугавшись чего-то, отшатнулась от окна и побежала вглубь коридора. Чуть погодя подошла женщина в белом халате, очевидно, врач или няня, и захлопнула раскрытые рамы. Юрик вернулся к Таньке:

– Ну, теперь ты довольна?

– Да, – благодарно выдохнула девушка и, взяв своего «рыцаря» под руку, зашагала прочь в надвигающуюся ночную тьму.

Ната была одной из немногих пациентов, которые не доставляли никаких хлопот службе. Она ничего не требовала, ни о чем не просила, даже почти не разговаривала ни с кем. Но когда няни по-

пыталась отобрать у нее цветок, она впа-
ла в истерику. На отчаянный крик девуш-
ки прибежал дежурный врач. Он глянул
на побледневшую руку Наты, сжимав-
шую несчастную розу так, что шипы
впились в ладонь и кровь стекала по запя-
стью, капая на пол. В глазах безумной
была столь глубокая безнадежность, что
казалось, сейчас вся ее душа вывернется
наизнанку. Врач посмотрел-посмотрел,
потер зачем-то очки и, махнув рукой,
разрешил Нате оставить розу себе.

Много долгих дней Наташа слоня-
лась по больнице, нянча на руках завет-
ный цветок. А когда он наконец-то осы-
пался, она носила в ладонях смятый ле-
песток. И все это время счастливая
улыбка не сходила с ее худенького ли-
чика. Когда же лепесток превратился в
кучку праха, Наташа вновь стала пово-
дить свои дни у окна в напряженном
ожидании.

*Старый замок весь преобразился.
Слуги украсили его, насколько хватило
их фантазии. Принцесса, бегая день-
деньской по замковой лестнице, пыта-
лась всюду постеть, на все взглянуть
своим хозяйским оком. А как же иначе?
Вдруг к приезду принца не все будет
готово? Сколько веков она его ждала?
— не помнится. Память только одно
хранила: он ее любит! Еще только
один, последний знак осталось полу-
чить принцессе в залог вечного счастья.
Когда же, когда? Скорее бы...*

Лето было холодным, злым. Дожди
почему-то плакали. Их мутные слезы
вовсю заливали землю. Щедро напоен-
ная почва уже не желала воды и выпле-
вывала ее большими лужами на поверх-
ность. Но вот вроде бы небо начало яс-
неть. У людей появилась надежда по-
греться в солнечных лучах. Да тщетно.
На исходе ночи разразилась ужасная гро-
за. Она визгливо кричала, кромсала небо
огромными огненными ножницами.

В «психушке» — шум, гам. Больные,
возбужденные грозой, метались по ком-
натам. Санитары и няни укладывали их
обратно в постели, совсем буйных свя-

зывали, успокаивали снотворным. А
гроза металась и металась, пока наконец
в бессильной злобе не вырвала решетку
на коридорном окне. Потом, на рассве-
те, дико хохоча громом, она метнула в
низкий деревянный домик, рядом с боль-
ницей, свою огненную стрелу-молнию. И
лишь после этого успокоилась и, забрав
облака, ушла куда-то вдаль.

Завизжали пожарные машины, тор-
мозя перед столбом дыма и огня. Горел
дом, в который попала молния. Он был
стар, всеми покинут. В его нутро не
очень добросовестные граждане сбра-
сывали всякий хлам, который теперь
шипел и корчился в огне, становясь се-
рым пеплом.

*Принцесса стояла у окна и смотре-
ла на спящий луг. Внезапно, краем глаза
она уловила какое-то движение справа.
Принцесса повернула головку и чуть не
вскрикнула от радости: огромные ог-
ненные ладони тянулись к синему небу,
обнимали, ласкали его. Их желто-
красные пальцы перебирали на его лбу
редкие белесые облачки, то опускаясь
вниз, то вновь взмывая вверх. Это —
третий знак! Внезапно воздух пронзил
звук рога: принц возвещал о своем воз-
вращении! На горизонте клубилась
пыль, а вся земля гудела от копыт ко-
ня, везущего к старому замку долго-
жданного гостя. Принцесса, вся за-
алевшая от счастья, подобрала подол
длинного платья и бросилась ему на-
встречу.*

*...Цветы, цветы, цветы. Всюду
цветы. Их легкие лепестки слуги щедро
сыпали на головы влюбленных. В бело-
снежном платье, ведомая прекрасным
принцем, принцесса входила в малень-
кую церквушку. Венчальные свечи горе-
ли в их руках, а запах ладана делал голо-
ву — ясной, душу — открытой. Принцес-
са все смотрела в глаза принца, жадно
ловя его слова клятвы в верности и
любви. И когда на вопрос священника
невеста произнесла: — Да, — ее голос
утонул в веселом перезвоне свадебных
колоколов...*

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ МИР ПЕРВОЦВЕТА

Эдвард Ширяев
20 лет, г. Черемхово

ПАДЕНИЕ В СВЕТ

Фантастический рассказ

2417 год. Космическая эпоха.

Корабль круто накренило в сторону астероида. Видимо, нехватка горючего сказывалось на механизме космолета. Он безжалостно боролся с притяжением космического тела. Но чудо бывает только в сказке: космолет, не выдержав схватки с астероидом, поддался, и со смертельной скоростью спикировал в самый центр небольшой звезды.

Пилота вдавило в кресло. Перегрузка была очумелой, кости выворачивало из суставов. Кровь бешено пульсировала в висках, еще немного, и у него начнут лопаться сосуды. Кислорода для дыхания катастрофично мало, он с силой ловил остатки воздуха. Сквозь прозрачное забрало шлема пилот увидел на пульте, как давление увеличивалось непомерно быстро. Все остальные приборы то зашкаливали, то совсем отказывали. Вне сомнений, падения не избежать.

Он не боялся умереть, но чувство самосохранения взяло верх над

разумом. Рука невольно потянулась к кнопке катапультирования. Палец дрожал, но сделал свое дело.

Со стороны далеко было видно, как от погибающего корабля отсоединилась капсула, и мощный взрыв оглушил тишину. Вспышка была мгновенной. Какие-то частицы времени, всепожирающий и пронизывающий тьму огненный свет утопил в своем раскаленном чреве капсулу, оставляя после себя ярко-красное пятно дыма.

Все исчезло... исчезло навсегда. Лишь молниеносный всплеск огня, а потом мрак, и он понял, что опоздал, что его уже нет...

Он летел в каком-то темном коридоре. Вернее не летел, а падал, но это падение было таким легким как полет пушинки. Своего тела он не видел и не чувствовал, лишь голубовато-призрачный дымок вязко тянулся за ним. Все его существо словно обратилось в пустоту.

В самой глубине темного тоннеля виднелся маленький, но

очень яркий пучок света. Такой мягкий, чем-то манящий, словно что-то давно знакомое звало его к себе. Свет излучал теплоту, тесно сплетенную с чувством доброты, счастья и радости.

В тоннеле, по мере приближения к свету, светлело. По краям мелькали огоньки, но они были тусклее и отчужденнее. Чем ближе он подлетал, тем счастливее и радостней чувствовал себя. Одиночества не было, как будто оно отсутствовало и раньше. Чудотворные лучи исцеляли растерзанную душу, затягивая раны невидимой пленкой. При этом становилось легче, и он постепенно набирал скорость.

Рядом с ним летело еще несколько таких же, как и он сам, прозрачных существ. Все они устремились к свету. У каждого была своя мечта, своя цель. Он понял, что это врата господни, где всех их ждали. Там, где существует вечность.

Он услышал в глубине, нежный голос. Это был голос Господа: «Я не могу принять тебя. Ты не выполнил свою миссию. Наперекор моим заповедям, ты творил совсем не то, что тебе предназначалось!»

Какая-то невидимая сила швырнула его обратно.

Он почувствовал, как его закружило. Его окутала пленка, превратив в упругий кокон. Боль пронизывала вновь обретенные конечности. Он ощутил себя крошечным кусочком боли, как будто его сжали в тисках. Он пытался открыть рот, но не мог, крик не находил выхода. Боль становилась невыносимой, но в какой-то момент его вытолкнуло, и он услышал свой надрывающийся крик освобождения. Освобождения от боли. И чей-то голос радостно произнес:

– Поздравляю, у вас мальчик!

Шел новый 2000 год.

Игорь Подколотный
Сергей Стрельченко

Клуб любителей фантастики «ОФИР» г. Волгоград

ЧТО ЗНАЧИТ ЭРГОН?

Фантастический рассказ

Эргон ворвался в Лабиринт, легко разметав Стражей Преддверия. Они не погибли. Через мгновение все стражи очнутся без памяти о вторжении.

Он мог без труда разорвать прочные сети, но предпочел просочиться сквозь них, оставив Барьер невредимым.

Меняя личины, Эргон пролетал мимо ловушек и внутренних Стражей. Он был для них одним из своих – внутренних обитателей Лабиринта – между – Мирами. Эргон облетел мириады Туннелей и отыскал тот, что был ему нужен – путь в мир, который он должен завоевать.

Он был уже возле Врат, когда из монолитной стены вдруг выползли два мощных щупальца. Они вцепились в панцирь Эргона, срывая личину. Эргон быстро вырастил клешню и тут же перекусил их. Судорожно извиваясь, они пытались остановить Эргона, но быстро слабели.

Не потрудившись стряхнуть их с себя, Эргон прошел сквозь Врата. Лишенный преимущества маскировки, он сразу вступил в бой с десятками Стражей. Прорвав оборону, Эргон оказался у цели. Храм Творца Мира подобен

мозгу. Он управляет всем телом, но сам не чувствует боли. Эргон стер со стены символы прежнего повелителя и начертил на ней знак своего сюзерена. Отныне все обитатели этого мира будут служить новому господину. Так же бездумно, как преждему. У Стражей, Пахарей, Одушевленных Ловушек и всех известных Эргону существ не возникает вопрос: «Зачем?». Есть только: «Как?».

Возможно, их облик изменится и станет чудовищным, а может, останется тем же, но в теле появятся новые органы, а цели станут иными. Тогда боги-творцы этого мира не сразу поймут, что лишись в нем власти.

Эргон возвратился. Расслабился. Впал в полудрему. Его окружали свои. Чистильщики обрабатывали панцирь и устранили помехи в системах. Лучшие Оружейники продемонстрировали все новое для личного арсенала и тут же вживляли в тело Эргона новинки, среди которых немало добытых Эргоном трофеев. Потом Оружейников сменили творцы личин – Маскировщики. Эргон сильнее, неуязвимей. Ему оставалось только лишь ждать.

Эргон получил новый приказ – «Не подчинить, а полностью уничтожить». Уничтожать всегда было легче. Таков опыт Эргона. Но это особый случай. Творец приказал быть особенно беспощадным и осторожным.

Легко отыскав Туннель, Эргон не решился влететь в него сразу. Он выпустил вместо себя фантомы-анализаторы. Все возвратились и сообщили: «Путь в мир свободен. В Туннеле нет Стражей, ловушек, сетей». Такого еще не случалось. Наверно, он хорошо защищен изнутри. Как выбрать личину?

Эргон прошел сквозь Врата. Взмыв ввысь, приготовился к схватке – выдвинул клешни, жала, захваты, весь оцетинился иглами.

Паря в вышине, он видел весь мир, всю его панораму. Тысячи стройных многоярусных башен, ромбы полей: оранжевых, изумрудных, бордовых. На них трудились бирюзовые пахари.

Эргон бросил бомбу на поле. Никто не шарахнулся в сторону. Все бирюзовые спокойно продолжали работу. Они не поняли, что это?!

Эргон не стал активизировать бомбу. Он силился понять, в чем

здесь опасность? Какое коварство готовит их мир?

Он облетел странный мир и понял, что не способен быть разрушителем. Коварства здесь нет, есть красота и гармония.

Он возвращался, не выполнив воли Творца.

Вернувшись в свой мир, Эргон доложил, что вторжение невозможно. Об этом он позаботился. Весь Обитаемый Диск, Врата и Туннель напичканы смертью – ловушками для захватчиков. Вторжение стало теперь невозможным.

Творец не поймет, в чем причина. Не заподозрит Эргона. Ведь смертные не имеют своих собственных целей.

* * *

Недоуменно смотря на дисплей, Генрих прошелся пальцами по клавиатуре, удовлетворенно кивнул и нажал «Ввод».

– Все! Теперь, Ярослав, можешь спокойно творить дальше. Одно не пойму, ведь вирус проник в твой компьютер, но нет... совсем нет потерь. Твой роман цел. Вирус не уничтожил программу. Он создал несокрушимый барьер от вторжения и есть еще слово – «Эргон». Что это значит?

О СПОСОБЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ И О «БОРЬБЕ» ДВУХ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ СИЛ МИРОЗДАНИЯ

Глава 1. Борьба «Добра» и «Зла» – есть ли она?

Важнейший в мире вопрос о добре и зле сейчас многими людьми считается чем-то устаревшим, излишне высокопарным, неуместно банальным, скучным и даже неприличным... Одни считают, что понятия «добра» и «зла» самоочевидны; другие полагают, что они чрезмерно абстрактны; с точки третьих, такие понятия вообще не существуют объективно...

Но...несмотря на все это многообразие взглядов, каждый конкретный человек, а также каждое учение тем или иным образом обязательно решают этот вопрос для себя, порой даже не осознавая этого...

Как правило, при спорах на данную тему прежде всего на первый план выдвигается вопрос об абсолютности или относительности добра и зла. Практически во всех распространенных религиях утверждается абсолютность этих понятий. То есть «добро» и «зло» – это абсолютные принципы, положенные в основу мира при его создании. Отсюда следуют морально-этические заповеди (указания о том, что следует делать человеку) и понятие о грехах (или о запретах совершать те или иные дей-

ствия). Вместе с тем во многих философских системах, особенно появившихся сравнительно недавно, нередко утверждается относительность добра и зла. Например, считается, что добро и зло – это понятия, существующие только в сознании человека, объективно же их нет и быть не может. То есть все определяется субъективной оценкой человека, и то, что одному кажется хорошим, другому может казаться плохим и наоборот, и реально это противопоставление просто отсутствует.

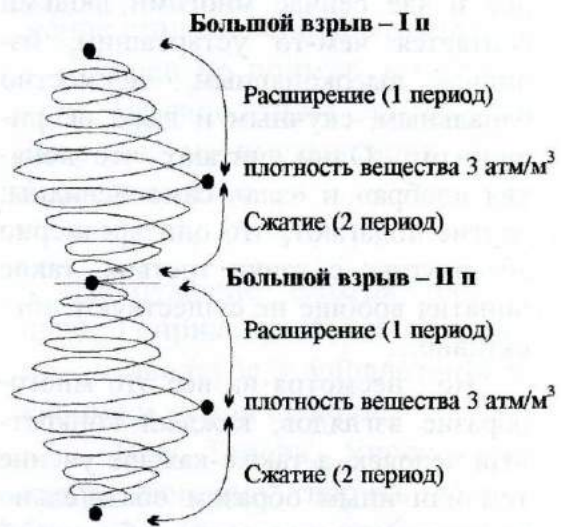
В итоге же оказывается, что правы и те, и другие, но только частично, ибо используют в своих рассуждениях различные системы отсчета, не пытаясь объединить их в единое целое. На самом же деле, думается, что проблема соотношения «добра» и «зла» имеет одновременно как абсолютный, так и относительный аспекты... А доказывается же это следующим образом...

По сути дела вопрос «борьбы» добра и зла сводится к «борьбе» двух Вселенских начал, двух космогонических и метафизических сил – это силы: а) расширения («добро» в человеческом понимании); б) сжатия

(«зло»). Чем вы объясните, что расширение какой-либо деятельности лучше, чем ее свертывание? Чем лучше преумножение своего материального состояния, чем его уменьшение? Ничем, кроме того, что программа на это заложена в вас, иначе вы просто погибнете. Какие причины и доводы вы бы ни выдвинули, все они будут сводиться к вышеуказанному... Для нас всегда правильны суждения, типа: тепло, свет – «добро»; холод, тьма – «зло» и др. Эти стереотипы рождены в нас самой Природой! Почему?.. А потому, что...

А потому, что Человек живет в эпоху Расширения Вселенной, он (как и все другие разумные существа) дитя этой Эпохи, а посему у него собственное предназначение, отличное от других творений (или, что более правильно, объектов Природы). Но Вселенная (Природа) будет расширяться Не Вечно! Как это доказано физикой (а точнее ее подотраслью – космогонией, существующей еще не более 70 лет) при наступлении критической плотности ($= 3 \text{ атома/1 м}^3$) силы Всемирного тяготения начинают затормаживать процесс расширения Вселенной и обращают его в Сжатие. Каковы формы жизни будут в этот период существования Космоса, предсказать, конечно же, невозможно, но предположить, что система ценностей разумных существ этого времени будет диаметрально противоположна современной, мыслится, можно... Однако и этот период существования Вселенной не будет бесконечным: так как в среднем плотность любого участка Вселенной всегда одинакова, то при достижении вещества определенной критической плотности (величина ее

еще не вычислена космогонией) силы Всемирного тяготения затормозят процесс сжатия и возобновят процесс расширения... Но так как Вселенная к этому времени сожмется до точки, то начало Расширения будет выглядеть как Новый Большой Взрыв... Эти два Периода Жизни Вселенной описываются даже в «Ведах» (Древнейшей Книге Знаний Индии). Основываясь на принципе спиралевидного видоизменения Природы (он будет описан в дальнейшем), схематично их можно изобразить так:

Весь цикл, состоящий из двух периодов, называется там «вдох и выдох Брахмы» и длится 2160000000 лет (не путайте с земными годами)... И такая периодичность будет продолжаться до Бесконечности (практически Вечно). Это Аксиома... Только так Вселенная может существовать, за счет (нет, не борьбы) взаимодействия двух основных сил – Сжатия и Расширения («Зла» и «Добра» в нашем понимании). В этом и заключено единство абсолютности и относительности Добра и Зла... Но почему же Вселенная существует

именно так, а не иначе – спросите Вы... А потому, что...

А потому что таковы законы Нашей Вселенной (Природы), которые заключаются в следующем... Прежде всего, любая жизнь (существование) – это движение, а последнее это не что иное как «борьба» двух противоположностей – двух сил, сил Расширения и Сжатия...

Движение с этой точки зрения – это не только движение машины, человека (то есть перемещение в Пространстве)... но и... «борьба», взаимодействие Великих Космогонических Противоположностей: Добра... и... Зла... Все это объясняется следующим: если что-либо «хочет» существовать в Природе, то оно «не может стоять на месте». Это еще одна Вселенская Аксиома. А основная причина Движения – это Противоречие... То есть Проблема Движения – это Разрешение тех или иных противоречий в сторону Сжатия или Расширения (хотя и такое деление в метафизических масштабах весьма условно). На примерах из быта это объясняется так: ...если мы выставим зимой сосуд с водой, то через некоторое время заметим, что часть воды замерзла и ее стало меньше – это Движение по количеству (в сторону Сжатия) без питания, а рост

всего живого – зерно питается соками земли, теплом солнца, влагой дождя – растет – это движение (в сторону Расширения) с питанием... Противоположным ему будет увядание... и т.д.

Для неживой же Природы, как уже говорилось выше, движение происходит или в сторону уплотнения или расширения... Это Аксиома... Двигается все... Вокруг нас нет предмета, который бы не двигался... Двигается даже ваш дом, ибо он есть равновесие двух Противоречий: Покоя и Движения, потолок не падает вниз, хотя сам по себе он не может находиться над землей из-за силы тяготения, так как его держат стены... Если последние будут слабыми, то потолок обвалится, ибо нарушится единство движения и покоя...

Эти процессы заложены в Природе и Природой объективно, а потому объективно нет ни изначально «плохих», ни изначально «хороших» явлений в окружающем нас мире... Но... не для человека... Ибо он «Воин и Служитель» Света (Добра) есть, «а иначе быть не может»... Каково же Истинное Предназначение Человека, вы узнаете из следующей главы данной работы...

"ПЕРВОЦВЕТ" ГЛАЗАМИ ЧИТАТЕЛЕЙ

Тамара Козаева

Учащаяся 5 класса МОУ пос. Пивовариха

МИР ДЕТСТВА

Журнал «Первоцвет» появился в Иркутской области недавно, ему нет еще двух лет. Он печатает работы талантливых школьников Приангарья. Мне показались очень интересными работы моих сверстников. Что волнует, каким воспринимают окружающий мир такие же ребята, как и я?

Просматривая страницы журнала, я поняла, что сверстников моих восхищает окружающая природа, их волнует вопрос о том, какое будущее ждет впереди, конечно же, и любовная тема присутствует в стихах детей, ведь ей, любви, все возрасты покорны. А еще мне очень понравились стихи, написанные с тонким чувством юмора. Мир природы – это то, из чего рождается фантазия, поэзия.

Ольга Яблокова, ученица 5 класса школы № 35, написала стихотворение «Ноябрьские сумерки» (оно опубликовано в № 3 альманаха):

В небесах

Луна застыла,

И темно,

И не темно...

Словно синие чернила

Вдруг покрасили окно.

Сквозь стекло

Смотрю в смятенье

На заснеженный

Простор –

Там сиреневые тени

Забрели на синий двор...

Меня в этом стихотворении поразил цвет. Я думаю, что автор очень тонко чувствует гармонию красок. «Словно синие чернила вдруг покрасили окно». Тени ноябрьских ночей необычные – сиреневые. Девочку так заворожила сказка, происходящая в природе, что ей вдруг пригрезились:

И цветы сирени манят,

Распустившись

В ноябре!

Я читала много стихов, посвященных осени. Они, как правило, грустные. А это стихотворение, по-моему, наполнено восторженностью и восхищением, радостью того, что можно для себя открывать новые чудеса окружающей природы.

В третьем номере «Первоцвета» опубликованы два стихотворения Евгении Трусовой. Одно из них «Осень»:

Последние листья осины

Поднял и унес ветер вдаль.

Трава пожелтевшая вслед им

Кричит: «Улетай! Улетай!»

Туда, где косяк журавлиный

Холодную зиму проводит...

Есть что-то predetermined, тоскливое и трагическое в этих строках: «Повинуясь судьбе». Мне понятна эта осенняя печаль, хотя я сама все-таки воспринимаю мир более весело и радостно.

Стихотворение «Ночь летняя спокойна и тиха» подкупает тем, как тонко девочка чувствует трепетную и хрупкую красоту мира, даже самых маленьких его представителей. Автора заморозил трагический поединок мотылька с пламенем. За образом своего мотылька скрывается сама Евгения Трускова, а горящая свеча – это любовь, чье обжигающее пламя так заворачивает всех нас.

Мои ровесники, те, кому 11-12, воспринимают мир ясным и добрым. Их волнует и «Умножение» и «Деление», так же называют они и свои стихи. Елена Ермолаева остроумно пишет о делении:

*Речку мы делить не стали,
Словно маленький орех.
Ведь леса, поля и дали
В мире созданы для всех.*

«Я сама собой довольна», – пишет Тамара Бабкина в четвертом номере альманаха. Она счастлива тем, что «рядом есть друзья», тем, что она сама существует, тем, что радуются жизни дети. Я думаю, что Тамара не испытывает конфликта с окружающим миром, а себя чувствует его частью.

Стихотворение Анны Ефимовой «Жди» – размышление о том, что ждет впереди. Грусть и тоску у автора вызывает не только окончание осени и наступление длинных зимних вечеров, метелей и морозов, а и жизненные неудачи, несбыточность надежд и мечтаний. Стихотворение проникнуто легкой грустью, отсутствием надежды на лучшее, чувствуется, что автор и сам мало верит в такую возможность.

Говоря о детстве, авторы журнала «Первоцвет» представляют ее себе как прекрасную, светлую пору, с которой трудно расстаться, потому что только в детстве мир видится светлым, добрым и чистым.

Об этом же стихи Екатерины Ишимцевой, которыми мне хотелось бы закончить свой отзыв. Она вступает в новую, взрослую жизнь, но мир, который остается позади, все еще не теряет своей прелести. Стихотворение называется «Я покидаю детство осторожно».

*Я покидаю детство осторожно.
С опаской трогаю ступени прошлых лет.
И все считаю: возвратиться можно,
И все не верю: возвращенья нет.*

*Мой принц сменил карету на машину,
Мой в джинсы превратился кринолин,
Но оживают по ночам картины,
Но спит в бутылке заточенный джин.*

*А куклы смотрят чуточку устало,
А сказки все печальней шелестят
И шепчут мне: «Принцессой ты не стала,
Твои глаза по-взрослому глядят».*

*Я покидаю детство и не плачу,
Еще не знаю, что же впереди,
Еще не верю: станет все иначе,
А куклы говорят: «Не уходи...».*

Первоцвет № 1 (5)
Литературно-художественный альманах для юношества

Учредитель:

Областная юношеская библиотека им. И.П.Уткина

И.о. главного редактора С.В. Зубакова

***Областная юношеская библиотека им. И.П.Уткина и
редакционная коллегия альманаха
«Первоцвет» сердечно благодарят
оперативную мини-типографию
«На Чехова» за спонсорскую помощь
в издании альманаха,
понимание и поддержку.***

Альманах зарегистрирован в Восточно-Сибирском региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Адрес редакции: Иркутск, ул. Чехова, 10, тел.: 27-07-93

E-mail: oylbeis@mail.ru

Электронную копию альманаха «Первоцвет» вы можете найти в Интернете по адресу <http://almanah.irk.ru/>

Тираж 250 экз.

Заказ № 49

Цена свободная

Отпечатано в мини-типографии «На Чехова»
г.Иркутск, ул. Чехова, 10 тел. (3952) 27-33-56
Лицензия ПЛД №40-37
Цена свободная.